

18+

*Света Нахмиберг
«Жизнь в кавычках»*

Света Нахимберг

Жизнь в кавычках. Роман

«Издательские решения»

Нахимберг С.

Жизнь в кавычках. Роман / С. Нахимберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839005-0

Семейная сага. Широкий географический и временной охват. Это книга о жизни с ее взлетами и падениями, о любви, верности. Книга о войне и мире. О том, как главные герои смогли преодолеть все сложности и преграды. О мужестве женщины. Я, как автор, очень надеюсь, что мой труд будет оценен и найдет своего читателя.

ISBN 978-5-44-839005-0

© Нахимберг С.
© Издательские решения

ЖИЗНЬ В КАВЫЧКАХ

Роман

Света Нахимберг

© Света Нахимберг, 2017

ISBN 978-5-4483-9005-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хая покормила младшую девочку, проверила, как спят остальные детки: поправила одеяльца, подушки – всё было в порядке. Детей у Хаи было много: шесть девочек и два мальчика. Старшего трудно было назвать мальчиком: он уже больше года служил в Армии, очень красивый и статный, Хая им очень гордилась – он был похож на отца, которого Хая очень любила.

Познакомились они с ним на винограднике: Хая нежилась на солнышке и грызла терпкую веточку от лозы винограда, вдруг к ней подошел высокий молодой парнишка. Он проверял ветви винограда и ставил где надо подпорки. По всему видно было, что урожай в этом году будет отменный. Лоза прогибалась под тяжестью налитых грозочек – так называли в этих краях виноградные кисти, поэтому приходилось ежедневно приходиться и помогать растениям не сломаться.

Виноградником владел его отец, и сыновья, как могли, помогали ему. Он увидел Хаю: её золотистые локоны светились на солнце, красивые и очень умные глаза смотрели на него, как будто хотели что-то сказать... Они оторопели и стояли, изучая друг друга.

Первым решился представиться он: «Меня зовут Рамон, а Вас?»

– «Хая» – робко ответила она, удивляясь своей робости. У неё за плечами очень престижная гимназия, где она изучала различные дисциплины, в том числе этику, иностранные языки – она знала их в совершенстве целых семь, а тут оробела и не знала, как дальше продолжить разговор. Рамон первым пришел в себя от внезапной встречи.

Он спросил: «А когда мы сможем встретиться вновь?»

– «Можно завтра в это же время, Вас устроит это?»

– «Да, да, да!»

– «До завтра, Рамон!»

– «До завтра, Хая!»

Она чувствовала, что щёки её горели, руки нервно дрожали, но она была очень рада, что завтра они смогут встретиться вновь. Очень понравился ей этот работающий парнишка, в сердце загорелся какой-то уголёк, и тепло от него разливалось по всему телу. «Неужели это Любовь с первого взгляда?» – подумала Хая, она читала об этом в романах на различных языках, но никогда не испытывала сама этих чувств.

Ночь тянулась так долго, она перебирала в уме все мелкие детали их неожиданной встречи, вспоминала его большие рабочие руки, удивительно красивый затылок: она видела его, когда Рамон наклонялся к очередной лозе (почему – то она обратила внимание на затылок), интонацию, с какой он говорил с ней, и не могла уснуть.

Когда лучи солнышка заглянули к изголовью её кровати, она стала собираться на встречу с Рамоном. Её родным городом был Киев, а здесь она в гостях у тётушки, которая была одинока и всегда с радостью принимала Хаю на летние каникулы. Она жила в Молдавии. Семья Хаи была по тем меркам не очень большой: три девочки и братик. Но из всех – Хая была любимицей тётушки, потому что с ней было очень интересно вести грамотные беседы (сказалось образование в гимназии), она была очень учтива и приветлива, это роднило их с тётушкой.

Хая не решилась рассказать тётушке о знакомстве с Рамоном, её мучили угрызения совести, но она внутренне не готова была поведать об этой встрече. Сердце яростно стучало, в висках пульсировала кровь, а на уме одно: придёт ли на встречу Рамон, может он просто пошутил над ней: она не была красавицей, во всяком случае «очереди» претендентов на её руку не было, и она волновалась до той самой секунды, пока не увидела между шпалерами Рамона.

Сегодня он был в нарядной вышитой рубашке, которая делала его ещё более привлекательным. Как радостно забилося сердце Хаи: «Пришел!!!» Рамон скромно поприветствовал её, а в глазах было тепло и радость! Он спросил разрешения взять её за руку, и они пошли вдоль виноградника. Они оба задавали по очереди друг другу вопросы, чтобы немного познакомиться. Рамон рассказал ей о своей семье, она о своей. Она знала очень много и была хорошим рассказчиком. Рамон с интересом слушал её, изредка останавливаясь, они смотрели друг на друга и молчали и слова были не нужны, всё говорили глаза и нежность рук. Они узнали, что относятся к разным конфессиям, но не обостряли на этом внимания, хотя из жизненного опыта знали, что это могло стать пропастью между ними. Рамону предстояло продолжить работу на винограднике, поэтому они простились, договорившись о новой встрече.

Хая очень тяжело переживала, даже короткую разлуку с Рамоном, как будто не хватало какого – то жизненно важного органа, каждая новая встреча всё больше сближала их духовно, им обоим было хорошо вместе просто гулять по винограднику и разговаривать. В те времена, в приличном обществе, не было принято допускать близость между молодыми людьми до свадьбы.

Хая и Рамон встречались уже 2 месяца, каникулы подходили к завершению, и Хае пора было уезжать, а она не могла представить, как будет жить без этих милых встреч.

Через неделю после очередной встречи с Рамоном, Хая всё рассказала тётушке. Та очень близко к сердцу приняла её признание, зная Хаю, она доверяла ей, что ничего дурного эти встречи не принесут. Единственно, о чём она попросила Хаю, познакомиться её с Рамоном (очень уж дорога была ей племянница и чувствовала ответственность за неё). Рамон согласился познакомиться с тётушкой, они оба понравились друг другу. Хая сделала такой вывод относительно тётушки по одной примете, вареньем из грецких орешков тётушка угощала только тех, кого она уважала. А Рамон был восхищён тётушкой, её хлебосольностью, уважительной беседой с ним, как с равным. Тётушка попросила их о единственном: не спешить принимать решения, сначала надо посоветоваться с родителями обеих семей. Рамон и Хая простились и Хая уехала домой в Киев, пообещав писать ему часто-часто.

У Хаи было такое состояние, как будто ей оторвали кусочек сердца, и это место отзывалось сильной тоской и болью. Дома она поделилась новостью, о своём знакомстве с Рамоном, с матерью и отцом. Их потрясла эта новость!

– «Как ты не понимаешь, что он не нашей веры?» – кричала мать.

А отец в ультимативной форме заявил: «Если он не примет нашу веру, на приданое можешь не рассчитывать, мы просто забудем о твоём существовании!»

А ведь он был богатым человеком: имел парфюмерную фабрику и галантерейный магазин на Подоле в Киеве. Хая не думала о приданном, но быть чужим человеком в своей семье – это уже перебор, ведь у неё две сестры и братишка, как же она будет жить вне их семьи. Она поделилась своими новостями с Рамоном и попросила, чтобы он выбрал время и приехал к ней в Киев: такие сложные вопросы нельзя решить без него, а терять его Хая не хотела.

Она поняла, что любит его, по – настоящему, и не сможет жить без него. Рамон вскоре приехал, представился родителям Хаи, её семье и попросил руки Хаи у её родителей. Отец повторил своё условие вступления в брак его дочери. С болью в сердце, Хая слушала этот диалог и боялась, что теряет Рамона.

Но Рамон твёрдо ответил: «Я беседовал со своими родителями. Они меня поняли, что это не блажь юнца, поскольку я уже не молод, поверили, что я искренне люблю Хаю и дали разрешение принять вашу веру».

– «Есть Бог на свете – большего счастья я не могу представить!» – подумала Хая.

Подготовились к Празднику крещения, пригласили раввина, он провёл обряд крещения и дал Рамону имя Натан (в те дни праздновали День святого Ионатана). Ничего больше не препятствовало воссоединиться Хае с Рамоном (она называла его любимым именем). Прежде, чем назначить день свадьбы, они вдвоём поехали к родителям Рамона. Хаю приняли очень радушно, родители видели, как сильно дети привязаны друг к другу, а чего же больше надо родителям, чем счастье их детей.

У Рамона было 4 брата. Они жили своими семьями, но на виноградниках работали вместе с отцом. Одному ему не справиться с такой большой площадью, работа очень тяжелая: с восходом солнца до наступления невыносимой жары, в это время все расходились на обед. Раньше отец с Рамоном обедали дома с мамой, а как будет сейчас, после вступления в брак с Хаей, необходимо было вместе на семейном совете решить. Хая очень хотела, чтобы семья отпустила Рамона с ней в Киев, но это очень трудное решение. Она с трепетом ждала, что скажут братья Рамона, ведь на них ляжет тяжесть работы брата. Братья долго спорили, приводили примеры из своей жизни, но отец встал и твёрдым голосом Хозяина сказал: «Любовь нельзя разрушить, а друг без друга они зачахнут, как неухоженная лоза!» Решение отца Рамона привело Хаю в восторг, она настолько была счастлива, что не смогла скрыть своей радости: обняла и поцеловала маму Рамона, поклонилась и поцеловала руку отцу. Решили, что свадьбу сыграют после сбора урожая, тогда будут деньги для достойного бракосочетания Рамона (они знали, что после крещения Рамона ему было дано другое имя, но они по привычке звали его Рамон). Хая поехала в Киев готовиться к свадьбе: предстояла большая работа, она должна была расшить постельное бельё несколько комплектов, полотенец, красивых из нежной бязи кофточек и ночных рубашечек, остальное приданое ей будут готовить родители. Поскольку она жила в обеспеченной семье, в которой две дочери уже были замужем и имели детей, только младший братишка ещё не был женат, сейчас настала пора Хаи!

Свадьбы предполагалось сыграть в обеих семьях: сначала в семье Рамона, потом в семье Хаи. Отец Хаи у очень знатного портного заказал ей свадебные наряды, она с удовольствием бегала на примерки. Это был старый портной, через его умелые руки прошли и женские, и мужские наряды и они так славно сидели на заказчиках.

Он постоянно подбадривал и нахваливал фигурку Хаи: «Мадмуазель, Вы-таки хороши, что шить для Вас столько приятного, что я с нетерпением жду очередной примерки. Вы будете божественно прекрасны в этих нарядах!»

Хаю смущали его слова, она краснела, зная, что её фигура не так уж хороша, но всё равно было приятно слушать неприкрытую лесть этого пожилого человека. Вот и всё готово! Хая сообщила Рамону, что у неё всё готово к свадьбе, теперь всё зависит от его семьи, и она с нетерпением ждёт от него письма о дне свадьбы в Молдавии. Она должна предупредить своих родителей заранее.

Долгожданный День наступил. Хая и её родители, младший братишка поехали на свадьбу. Семья Рамона очень хорошо подготовилась: они пригласили маленький оркестр, состоящий из скрипок, гуцульских дудочек и аккордеона. Стол «ломился» от различных закусок и национальных блюд, много фруктов и свежих овощей, домашнего вина. Очень много гостей, ведь у женатых братьев было много родни и просто друзей, столы были накрыты под навесом на улице, вдоль них стояли длинные лавки, и всем хватало места. На торце главного стола стояли шесть стульев, на них сидели родители и жених с невестой. Рядом с длинной стороны стола около родителей Хаи сидела любимая тётушка. Родители Хаи не могли есть всё подряд – вера не позволяла есть не кошерную пищу, но на столе стояли жареные индейки и курочки –

молодки, фаршированная рыба, много пресной выпечки: родители Рамона уважали их обычаи (ведь они знали, что теперь и Рамон будет жить по их законам). Молодые очень смущались, когда гости кричали «горько», ведь для них это было непривычно – целоваться, да ещё на виду у множества гостей, но те подбадривали их, как могли, они хорошо всё понимали. Играли музыканты, плясали и танцевали гости, даже свадебные песни пели.

Хорошо, что, Хая знала молдавский язык. Было легко и весело, Рамон сидел рядом и постоянно держал её за руку, как будто они снова гуляют по винограднику, только теперь им разрешено целоваться. Солнце зашло, зажгли факелы, чтобы освещать площадку праздника и веселье продолжалось.

Молодых обе мамы повели в отведённую для них комнату: они и на самом деле очень устали. Предстояла их первая семейная ночь. Они оба очень робели, не знали, что им делать... Рамон нежно помог снять свадебный наряд Хае, он был высокий и сильный, взяв на руки, уложил её в кровать. Хая была полна тревоги и поделилась этим с Рамоном. «Ничего не бойся, мы будем просто отдыхать. Ты устала?» Хая, потупив глаза, кивнула головой. «Спокойной ночи, любимая!» Они крепко уснули, прильнув друг к другу. Хая не помнит, снилось ли ей что-нибудь, но она очень хорошо отдохнула.

В окошко пришло солнышко, оно светило прямо в глаза, и она проснулась. Рамон, видимо, давно проснулся и с любопытством смотрел на неё, как будто видел в первый раз. Они непроизвольно потянулись друг к другу, касаясь и переплетаясь телами, самое главное таинство произошло так неожиданно, Рамон покрывал Хаю нежными поцелуями, её руки притягивали его, как бы без слов говоря: «Я готова!». Теперь у неё есть любимый муж, с которым она надеялась прожить всю свою жизнь! Рамон своими прикосновениями старался показать, как сильно он её любит. Хая у него была первая девушка, это переполняло его восхищением и неподдельной радостью, он продолжал целовать её.

Хая улыбалась ему в ответ и упивалась новым ощущением их отношений. Родители обеих семей ожидали их к завтраку и мирно беседовали в тени абрикосового дерева. Им было о чём поговорить. Они обсуждали вопрос о приданном невесты, и о том, на что мог рассчитывать Рамон из капитала родителей. Ни одной из сторон не хотелось уступать в щедрости и выражении любви к своему ребёнку: Хае отец выделил долю своего капитала, теперь она наравне со своими сёстрами и братом являлась владелицей парфюмерной фабрики, так же было приготовлено много различной одежды, домашней утвари, драгоценностей. Отец купил им с Рамоном большой дом рядом со своим на Подоле, в нём было много комнат, он был полностью обставлен самой модной мебелью и роскошными деталями, придающими комнатам тепло и уют. А Рамону он хотел предложить место управляющего в галантерейной лавке, конечно же, после того, как он немного подучится.

Родители Рамона имели только виноградники и не большую конюшню с породистыми рысаками – они часто получали призы на больших скачках. От продажи домашнего вина ежегодно откладывались деньги в банк, их было не очень много, но родители выделили ему довольно большую сумму, для содержания семьи, пока он сам не сможет хорошо зарабатывать. Обе стороны остались довольны таким решением, главное для них было счастье их детей.

Хая и Рамон вышли к родителям, оба обратились к ним со словами: «Теперь мы – семья, дорогие мамы и папы!» Начали подходить вчерашние гости, закуски и вина хватало для всех, веселье продолжалось! Через несколько дней Рамон, Хая и родители поехали в Киев. Для проведения свадьбы был заказан ресторан, с учётом желаний обеих сторон было составлено меню, все расходы взяли на себя родители Хаи. Играл оркестр, в ресторан смогли прийти сёстры с семьями, друзья семьи, народу было много и всем было весело: они видели, что присутствуют на свадьбе любящих сердец.

Свадебная церемония – Хупа проходила, не отступая от канонов: раввин прочитал ктубу и семь благословений, это ещё больше укрепило веру гостей, что это свадьба достойная. Эти

семь благословений читались семь дней после каждой трапезы, и свадьба продолжалась семь дней. Через день, после того, как родители Рамона ознакомились с огромным приданным Хаи, мама (Хая с первого дня стала так к ней обращаться, как и Рамон к её родителям) восхищалась красивым тонким расшитым приданным. Родители Рамона сходили в дом молодых, он привел их в полный восторг, потому что нельзя было сравнить их хоть и крепкий, но сельский дом, с этими благоустроенными хоромами.

Их проводили на вокзал, Рамон впервые остался без них. Его мама, как только поезд отошел от станции и Рамон, идущий по платформе по ходу поезда, скрылся из вида, горько заплакала, слёзы лились сами по себе, она вспоминала, как рос её младшенький, и слёзы вновь и вновь заливали глаза. Муж сидел хмурый, насупленный, молчал, а ей так не хватало его поддержки, от его молчания она более остро ощутила разлуку с сыночком и снова плакала, плакала, плакала...

Началась новая интересная жизнь для Хаи и Натана. Он ежедневно ходил в лавку, смотрел, как работает приказчик – это был виртуоз, он сразу узнавал в покупателе, что тому предложить, какую цену он может позволить себе потратить на какую-нибудь безделушку: приказчик так профессионально расхваливал вкус покупателя, что тот просто не мог уйти без покупки. Натана это удивляло, а иногда он еле сдерживался, чтобы не рассмеяться при покупателе. Но каждый рабочий день приносил ему и практический опыт, он хорошо изучил ассортимент лавки, цены и мог уже принимать товар безошибочно, а именно это входило в его обязанности как управляющего. Хая занималась домашним хозяйством, она очень скучала без мужа: дома было пусто, ведь у них было много свободных комнат, но там никто не жил. Иногда одна из сестёр со своим ребёнком навещала её, учила приготовлению новых вкусных блюд, делилась секретами своей семейной жизни. Хая впитывала эти беседы, она очень хотела угодить своему любимому. А когда ей становилось невмоготу от одиночества, она собирала небольшой узелок с едой и шла к мужу в лавку, чтобы он не отрывался от работы.

Натан ценил каждую минуту своего дела, ведь у него было начальное образование и приходилось много постигать своим умом. Хая была счастлива, находясь рядом со своим красавцем мужем, она гордилась им и ей очень нравились отзывы отца о его старании в овладении азами профессии.

Натан нахваливал свою молодую жену, что она научилась очень вкусно готовить, для Хаи это было самой большой радостью. Через несколько месяцев она почувствовала, что во время приготовления обеда у неё появилась тошнота после того, как она попробовала суп. Тошнота стала повторяться всё чаще, и она решила пойти к маме и поделиться с ней своими предположениями. Та нежно обняла и подтвердила её догадки: «Придётся потерпеть, доченька, это большое счастье, что вы ждёте ребёнка, у нас будет прибавление – внук или внучка. Хая, с нетерпением, ждала возвращения Натана с работы: не известно, как он отнесётся к такой новости. Он пришел, как всегда, очень уставшим, Хая накормила его и как бы, между прочим, сказала: «А скоро нас будет трое!» Она держала руки на животе и Натан, естественно догадался, его глаза наполнились слезами радости, он с большой осторожностью взял её на руки и начал носить по комнатам, приговаривая: «Вот здесь, «ты – малыш», будешь жить, тебя будут любить мама и папа, бабушки и дедушки, тётки и дядя, главное, будь крепеньким и здоровеньким, а уж мы постараемся всё сделать для тебя!» Хая чувствовала себя у мужа на руках как в колыбели, он ходил по комнатам, покачивал её, целовал и говорил: «Спасибо, любимая моя!» Теперь он ещё больше уделял ей внимания, запретил ходить одной к нему в лавку с обедами, а сам прибежал, быстренько ел приготовленный Хаей обед, целовал её и убегал радостный в лавку. Беременность протекала без проблем: мама отводила Хаю к доктору, он осматривал её, представлял к животу какую-то деревянную трубочку и с улыбкой говорил: «Ну, что, мамочка, у нас всё в порядке. Вы правильно себя ведёте, будем надеяться, что всё не может быть плохо!» Хая с мамой, уходили довольные, ожидание ребёнка потребовало больше разговаривать с мамой –

она ведь четыре раза прошла через это, как всё должно быть, как себя вести, когда появятся признаки родов. Натан каждый день носил её по дому на руках, а потом они шли гулять к Днепру. Хае было полезно дышать свежим воздухом, да и малышу тоже нужен был кислород, ведь он всё пока получал от мамы.

Токсикоз изнурял Хаю только в первой половине беременности, а вторая половина проходила без проблем: они ежемесячно ходили на консультацию к тому доброму врачу, который сказал, «Что всё не может быть плохо» – это так забавно звучало из его уст, что вспоминая эти слова, Хая каждый раз улыбалась. Натан много работал, отец Хаи начал ему платить хорошие деньги, поэтому они частенько баловали себя вкусными пирожными в кофейне на Владимирской.

Натан оберегал Хаю, как наседка своего птенца: всегда крепко держал её за руку, особенно на Владимирской горке, была осень и даже на листьях можно было поскользнуться...

Они вдвоём навещали по субботам родителей Хаи, потому что в эти дни лавка не работала. Они мило беседовали: им хорошо было разговаривать на любые темы. Натан был наследственно мудр, как и его отец, у которого тоже не было большого образования, но он природным умом смог управлять своим большим хозяйством, которое приносило ему хороший доход, он помогал семьям своих сыновей, а когда узнал, что внуков у него прибавится, был очень рад. После сбора урожая, они с женой поехали в Киев навестить Рамона (Натана), Хаю и родителей Хаи. Именно в эти дни, Хая почувствовала, что ребёночек как-то беспокойно себя ведёт, мама отвезла её к доктору, тот, осмотрев Хаю, предупредил, что из дома не рекомендует Хае выходить: первые роды не бывают быстрыми, но всё может случиться, поэтому он порекомендовал проверить телефонную связь и незамедлительно ему сообщить о начале.

Хая решила рожать в своём доме, попросив маму побыть с ней некоторое время. Всё для появления нового Человека в доме было подготовлено. Отец разрешил Натану оставаться рядом с Хаей, в лавке оставили приказчика, чтобы он вёл все дела – это был проверенный человек, не один год, работавший в лавке. Мама Хаи обосновалась в одной из свободных комнат и чувствовала себя вполне комфортно, она взяла на себя обязанности по приготовлению еды, Натан относился к ней очень учтиво, поэтому она не чувствовала себя в этом доме чужой. Через день, рано утром Хая почувствовала, что ребёночек больше не хочет находиться в темноте, она почувствовала очень сильную боль в пояснице и внизу живота и сказала об этом Натану. Он немедленно связался с доктором, тот пообещал тотчас приехать, главное, чтобы приготовили побольше кипяченой теплой воды и чистых проглаженных простыней. Натан сказал маме: «Начинается!» Та всё поняла и засуетилась по дому. Поскольку всё Хая приготовила заранее, то ей не пришлось много волноваться. Доктор приехал вовремя, Натана выставили из комнаты роженицы, доктор приехал со своей помощницей – акушеркой, мама Хаи была рядом, могла оказать помощь. Натан метался из комнаты в комнату, он очень волновался за свою любимую и малыша. Из комнаты Хаи слышались только её крики и команды врача: «Дышите! Не дышите!» От неизвестности, Натан был сам не свой – только бы всё закончилось хорошо: ему была дорога и Хая, и ещё не родившийся малыш. Ему казалось, что прошла целая вечность, пока он ни услышал громкий залиvistый крик младенца.

Вышел весь взмокший доктор и сказал Натану: «Нас услышал Бог – у Вас родился сын! Хая очень большая умница – она всё делала правильно! Мальчик и Хая здоровы!» От радости Натан расплакался и непрерывно благодарил доктора, потом он вымыл руки и с разрешения доктора пошел взглянуть на своего наследника и дорогую жёнушку. Он встал на колени рядом с кроватью, где лежали Хая и сыночек: малыш был завёрнут в красивые пелёночки с кружевами, его маленькое сморщенное личико выглядывало из этого пакетика, оно было такое родное, Натану показалось, что он похож на Хаю. Натан осыпал поцелуями свою жену: «Спасибо, любимая! Я думал, что любить больше, чем я тебя любил, нельзя – я не прав, я ещё сильнее люблю тебя, моя милая, ты подарила мне наследника! Давай назовём его Хаим? Он так похож

на тебя!» Хая довольно кивнула головой в знак согласия. Ей теперь хотелось обнять весь Мир, было легко и радостно!!!

Впереди были бессонные ночи, малышу требовалось её внимание круглые сутки: главное, чтобы у неё хватало молока для полноценного питания малыша. Иногда она в отчаянии брала его и носила на руках из комнаты в комнату, Натан часто просыпался от плача Хаимчика, он сам брал его на руки и говорил: «Давай не будем беспокоить мамочку, она за день с тобой так устала, а мы – мужчины, должны беречь её!» От тепла сильных рук отца, ребёнок засыпал, тот аккуратно укладывал его в колыбельку, а Хая могла отдохнуть. Её мама часто приходила к ней и чем могла – помогала: гладила стиранное детское бельё, с большим удовольствием ходила с внуком на прогулку, она с гордостью встречалась с соседками на улице, они делились впечатлениями, новостями, обменивались опытом ухода за малышами. Прогулки были длительными, Хая успевала многое сделать по дому: приготовить побольше еды, постирать бельё малыша, она даже за такое короткое время могла соскучиться по сыночку.

Предстояло время крещения Хаима, пригласили родителей Натана, собрались все родственники и друзья, живущие в Киеве. Обряд прошел торжественно, отец Хаи был доволен, что внука назвали Хаим (это имя вызывало радость и счастье)! Дни шли за днями, месяцы за месяцами, Натан по-прежнему руководил работой лавки, по ночам он всегда помогал Хае ухаживать за сыном, а утром снова в лавку.

Мальчик рос здоровеньким, рано начал ходить, чем добавлял внимание к себе: его интересовали разные предметы, ему хотелось обязательно заглянуть в тумбочки, стащить на себя всё, что стояло на них – это было не безопасно, приходилось ходить за ним по дому и оберегать от неожиданностей.

Хаим рос, ему было уже 2 годика, когда Хая почувствовала, что снова беременна. Она рассказала об этом Натану, тот очень обрадовался, что в его семье снова будет прибавление, единственное, что его беспокоило, так это самочувствие Хаи, но эта беременность проходила гораздо лучше, чем первая. И роды прошли по-другому: гораздо быстрее на свет появилась сестрёнка Хаима, которую назвали Дора. Каждые 2—3 года рождались детишки, дом наполнился весёлым смехом и бесконечными шалостями, для помощи Хае наняли нянечку для детишек, она не только помогала ей управляться с детьми, но и выполняла мелкие поручения и помогала по дому. Когда Хая была беременна очередным ребёнком, доктор запретил ей поднимать тяжести, доходило до того, что она не смела даже взять подрастающих детишек на руки, это было тяжело объяснить детям, в этом всегда приходила на помощь няня: она пыталась чем-то увлечь ребёнка, просившегося на ручки. У Хаи с Натаном к 40-му году было шесть девочек и двое наследников-мальчиков, это был большой труд и большая ответственность.

У Натана выявили очень серьёзное заболевание – сахарный диабет, а лекарство-инсулин, стоило очень дорого. Родители обеих семей помогали им материально, потому что самим им было бы не справиться с такими расходами.

Старший сын Хаим, не закончив гимназию, пошёл в подмастерье к столяру-краснодеревщику. Он оказался очень талантливым помощником: вдвоём с хозяином они придумали из ценных пород дерева делать очень красивые, в стиле барокко, люстры и бра. Когда они выставили их на международной ярмарке, их люстры и бра произвели фурор: у них было очень много заказчиков от зажиточных людей, ведь на производство люстры необходим очень дорогой материал, много времени, чтобы довести его до необходимой формы – это было их «ноу-хау», поэтому стоили они не дешево.

Хаим зарабатывал хорошие деньги, но почти все они уходили на приобретение инсулина для отца. Когда его призвали в Армию, он очень сильно переживал: как родители будут обходиться без его заработка. Хая очень тяжело переживала, вынужденную разлуку с сыном, но этого нельзя было избежать. У Натана был «белый билет», т.е. его заболевание не позволяло ему служить даже во время войны. Второй сын, Бурах, был шестым ребёнком в семье, он ещё

не мог пойти работать вместо брата, старшие сёстры: Изидора (дома её звали просто Дора) и София работали белошвейками, их продукцию реализовывали через лавку, которой руководил Натан. К этому времени отец Хаи ушел в Мир иной, мама тяжело переживала утрату, но с годами боль притуплялась, тем более, что у Хаи появлялись дети, которые требовали бабушкиной любви и внимания, они то и держали её в жизни.

Младшей девочке в 40-м году исполнился годик, но Хая кормила её грудью, потому что она родилась ранней весной 39-го, а летом прикармливать и отлучать от груди врач не рекомендовал. У Хаи всегда была свежая пресса, и она была в курсе всех политических событий в Мире. Она знала, что Гитлер уже начал военные действия на западе, оккупировав Польшу, впервые она узнала о гонениях на польских евреев, жестоком уничтожении целых семей, не щадя ни старых, ни малых. Она сопереживала этим попавшим в жернова войны людям. Естественно, она всегда боялась за свою семью. Волновалась она и о семье Натана: они жили в той части Молдавии, которая называлась Бессарабией и была насильственно захвачена Королём Румынии, установившим свою власть и правил там с жестокостью. Но в июне 40-го года Советский Союз заставил вернуть Бессарабию в состав Молдавской ССР, подписав по этому поводу двусторонний меморандум.

Румынские войска были выведены из Бессарабии, и семья Натана стала жить в Молдавии. Отец и мать Натана были живы, были живы и семьи братьев Натана, они все вместе продолжали трудиться на виноградниках и ухаживать за скакунами. Родители Натана очень редко навещали семью Рамона, оправдывая это большим количеством неотложных дел. В основном они приезжали с подарками и гостинцами в те дни, когда вновь родившихся внуков крестили. Дети занимали всё время дня Хаи: они требовали индивидуального внимания. А ещё была очень большая проблема с питанием Натана, его диабет «требовал» специальной диеты, это значит, что надо было готовить всем отдельно. Для Хаи это не было обузой – она так любила своего доброго и любящего мужа и всех их детей! Няня жила у них второй десяток лет, её помощь была бесценна, она была практически членом семьи. Мама часто оставалась у них на несколько дней: младший брат Хаи женился на киевлянке ещё при жизни отца, у него было двое детей, но жена чуралась общения с его мамой. Они расходились в методах воспитания детей. Мама Хаи была выше этих разногласий и не старалась навязывать им своего мнения, бывала у них только в те дни, когда был какой-то праздник, и она приносила детям гостинцы. Встречали дважды Новый год, потому что один по вере отмечался ранее на 2 месяца, чем светский Новый год.

Наступил 1941год...

От Хаима приходили тревожные письма, он писал очень часто, знал, что родители ждут этих писем. Он был их первенцем и любимцем! Хая и сама понимала, что сейчас настолько шаткий Мир, а у неё на руках семеро детей, двое из них – девочки, были взрослыми, а пятеро – малыши, беспомощные и требующие постоянного внимания, а ещё больной муж: а вдруг будет война, где брать ему лекарство...

Весна была жаркая, дети очень страдали от духоты. Няня водила малышей в тень каштанов, там они играли, водили хороводы вокруг деревьев, прятались за крупными стволами, а нянечка делала вид, что не может их найти. Всё было мило и забавно, она любила их, как своих родных детей: у неё, к сожалению, не было их, она была в молодости замужем, но муж её погиб на работе в шахте, она не могла жить больше в том городе и поехала в Киев. Поскольку у неё не было никакой специальности, кроме доброго сердца, она с удовольствием пришла в семью Хаи, чтобы ухаживать за детьми и помогать по хозяйству.

Наступил тот самый страшный, известный всему миру день – ночь на 22 июня. Маленькая дочь Клара спала очень беспокойно и Хая часто вставала к ней, чтобы успокоить. Вдруг стёкла в окнах зазвенели, потом она услышала страшный грохот, она сразу всё поняла. Ужас охватил её с ног до головы, она просто «остолбенела», никак не могла понять: что же делать???

Она бросилась будить Натана и няню: быстренько одевайтесь теплее и одевайте детей – война! Старшие дочери тоже сустились, собирая какие – то вещи, свои дорогие сердцу вещицы: они понимали, что сюда они уже никогда не вернуться. Хая собрала из комода, и из секретера всё самое ценное: драгоценности, столовое серебро, красивую и тёплую одежду, золотые монеты, хранящиеся на чёрный день. Вот он и наступил. Всё это она положила на красную плюшевую скатерть, лежащую на столе, завязала всё крепким двойным узлом, взяла эту поклажу на согнутую в локте руку, позвонила маме и попросила связаться с братом. Хая взяла на руки маленькую Клару, двоих малышек взял за руки Натан, двоих – нянечка. Они, гуськом, по тёмным улицам, выдвинулись в сторону вокзала, надеясь сесть на любой поезд, который увезёт их на Восток.

Привокзальная площадь была переполнена перепуганными людьми, а поездов пока никаких не обещали. Бомбёжки продолжались и люди понимали, где бомбят, слышался непрерывный плач и детей, и взрослых. Объявили, что сейчас подадут товарный состав, а куда он пойдёт никто не говорил, но люди были настолько перепуганы, что, как одна сплошная масса, двинулись к платформе, чтобы занять место в этом товарном составе, о котором объявили.

Хая с её узлом и ребёнком на руках нёс поток людей, она не видела ни Натана, ни старших девочек, ни нянечку, а ведь с ними младшие детишки. Когда Хая дошла до товарного состава, она еле-еле взобралась в вагон, потому что обе руки у неё были заняты, только благодаря тому, что кроме неё в вагон хотели попасть очень многие, её просто «внесли» туда. Она заняла уголок недалеко от входа и стала высматривать в толпе Натана, нянечку и её малышек, старшие девочки увидели её сами и смогли протиснуться в вагон. Натан и нянечка оказались в вагоне рядом с тем, в котором была Хая, Клара и старшие девочки. Состав начал отходить от станции, а люди продолжали цепляться за ступеньки, двери и разные выступы, лишь бы только уехать из этого ада. Бомбить продолжали, и все боялись, чтобы самолёты не добрались до вокзала, но бомбы начали рваться прямо рядом с вокзалом.

Осколками ранило и убивало людей из толпы, бегущих за составом. Все впервые увидели смерть так близко. Раньше их не касалось это, но ведь на месте пострадавших могли быть они, от этого становилось ещё горше. Состав набирал скорость и вот уже всё понемногу «утряслось»: каждый нашел для себя местечко, стояла тишина, прерываемая криками плачущих малышек. Родные, как могли, успокаивали их, но ни еды, ни воды не было, это усложняло положение бегущих от войны людей.

Хая не знала, как там чувствует себя её любимый: ведь ему необходимо сделать укол, а до остановки никто не знал, сколько осталось ехать. Она очень страдала и от того, что там с ними четверо её малышек, одна надежда на остановку состава: бомбёжки уже было не слышно, возможно, что скоро может быть остановка – паровоз, который тащил состав, должен был заправиться углём и водой. Действительно, скоро состав остановился. Многие выскочили из вагонов и побежали искать воду и что-нибудь съедобное.

Хая побежала к Натану сделать укол и спросить, как он себя чувствует. Натан не хотел огорчать Хаю и успокоил её, что всё можно перетерпеть, главное-наши дети. Старшие девочки в это время принесли воды и хлеба. Во время стоянки многие переходили в другие вагоны, к своим, поэтому Натан, няня и детишки перебрались в вагон Хаи и старших девочек. Хая поделила воду и хлебушек и стали ожидать движения дальше, но паровоз долго не могли заправить, решались какие-то «нерешаемые» вопросы: не положено, не предусмотрено, а что война, так это не в нашем ведении. Через несколько часов, преодолев бюрократические препоны, паровоз заправили, и состав двинулся дальше. Из уст в уста передавали, что паровоз довезёт их только до узловой станции, а дальше надо будет пересаживаться в другой эшелон.

Пока ехали в направлении «от войны, бомбёжек» все, сидевшие в вагонах видели, как по обочинам дорог, примыкающих к железной дороге, бредут беженцы, они были одеты полетнему, видимо им не удалось прихватить с собой что—нибудь из вещей. Некоторые были

ранены, окровавленные повязки «украшали» головы, руки, ноги. Это было тягостное зрелище. Вдруг несколько самолётов начали догонять эшелон с беженцами, они опускались так низко, что видно было ухмыляющихся лётчиков, от этого становилось ещё страшнее: беженцам некуда было бежать, на ходу было очень опасно прыгать из вагона. Самолёты очередями из пулемётов прошивали путь движения состава: крыша вагона стала продырявленной, были слышны стоны, крик и плач. Этот первый обстрел состава забрал у Хаи и Натана их мальчика, Бураха, пуля попала ему в голову, поэтому он не успел даже вскрикнуть. Хая онемела от ужаса: как же так, она не смогла уберечь своего мальчика, она окаменела от горя. Обнимая своего сыночка, она не воспринимала действительность, не могла поверить, что мальчику уже ничем не помочь...

Она жалобно смотрела на Натана, ища у него поддержки, а он стоял над ними и горько плакал. Старшие девочки, Дора и София, забрали у неё Бураха, завернули его в покрывальце, чтобы во время остановки попытаться похоронить его. Хая не могла плакать, в груди у неё был не тающий кусок льда, он так сильно давил на сердце, что оно тоже превратилось в кусок льда. Натан обнял её и говорил: «Поплачь, дорогая, тебе станет легче!» Но она как будто не слышала его слов, только молча смотрела в одну точку: там лежал подготовленный к погребению её сынок. Девочки начали плакать, малыши ничего не понимали, они просто устали и хотели кушать и пить, но ни того, ни другого не было.

Ждали остановки и надеялись поменять что-нибудь из вещей на хлеб и молоко. У Хаи молоко после смерти Бураха пропало, Клара тербила её и просила есть. Хая дала ей грудь, но молоко не приходило, оно сгорело от потрясения. Наконец, состав начал ехать далеко от автомобильной дороги, уже не видно было беженцев, но тревога не покидала всех, кто находился в вагоне. Вдруг состав начал замедлять ход и остановился посреди степи: не было видно ни одной хатки. Оказалось, что железнодорожный мост был взорван, и ехать было нельзя. От неизвестности люди метались, не зная, что предпринять: идти дальше пешком в неизвестность было страшно, да и дети очень хотели есть и пить, а где всё это взять в голой степи...

Клара очень сильно плакала, она беспокоила Хаю тем, что у неё поднялась температура. Старшие девочки и няня похоронили Бураха, поставив символическую дощечку с надписью, надеясь, что когда-нибудь они смогут похоронить его по-человечески. Хая поделилась тревогой за Клару с Натаном, но он тоже ничего не мог сделать, тем более, что ему был необходим укол и он очень плохо себя чувствовал. Хая понимала и его боль, столько сразу свалилось на неё. Она сделала ему укол, но лекарство надо было экономить, ещё не известно, когда они доберутся до аптеки. Кларе становилось всё хуже: у неё началась рвота, она сквозь всхлипывания просила пить, но воды не было. Хая, посоветовавшись с Натаном, решила спуститься к реке, может там окажется хорошая питьевая вода, но надежды на это не было никакой. Тем не менее, Хая, подобрав юбку повыше, чтобы она не мешала при спуске к реке, начала потихоньку спускаться. Ноги вдруг заскользили, и она кубарем скатилась вниз.

Река у берега была заросшей высокой травой, так что пришлось идти по берегу, чтобы добраться до воды. Вдруг она услышала уже привычный вой самолётов: их было три, но Хая не могла взобраться на гору, всё время срываясь вниз, а самолёты стали обстреливать остановившийся состав: им было очень просто выполнить своё чёрное дело, вагоны были забиты беженцами, они боялись выскочить из вагона, не зная, что безопаснее. Самолёты расстреляли весь свой боевой запас и улетели в сторону Киева. Хая, едва взобравшись на гору, побежала к своему вагону: там её ждала ужасающая картина, убитые и раненые лежали вперемежку, кто-то сильно кричал от боли, кто-то рыдал от утраты близкого человека. Хая, по одежде, узнала няню, та лежала на животе, а на спине у неё была «строчка» от пули. Под ней плакала Каролина, дочка Хаи: няня прикрыла её при обстреле своим телом. У Каролины были перебиты ручки, она, видимо, от болевого шока, только плакала, а не кричала что есть мочи. Хая подбежала к ней, вытащила из-под нянечки, начала завязывать ей раненные ручки, чтобы не терять кровь.

Но эти повязки не были стерильными, и через два дня у Каролины тоже поднялась температура: теперь две её маленькие доченьки умирали у неё на глазах, а она не могла ничем им помочь. Они «сгорели» одна за другой, Натану тоже становилось очень плохо, и Хая вынуждена была делать ему столь дефицитные уколы. Девочек похоронили в одной могилке на берегу реки, на высоком месте, чтобы найти их, когда-нибудь, как и их братика Бураха. Рядом с ними похоронили нянечку...

Хая и Натан, как могли, поддерживали друг друга, такое горе объединило их ещё больше, терять детей было очень больно, это знает только тот, кто сам пережил такую утрату. Но им надо было держаться: у них ещё была маленькая Сара, ей было всего 8 лет, но она была такая маленькая, худенькая, очень красивая, с вьющимися косичками и чёлочкой, такая беззащитная. А Лиле было 10 лет, но она уже многое понимала, не хныкала, что хочет кушать, но ведь их тоже надо было поить и кормить. Хая с Натаном решили идти по степи, куда глаза глядят, а вдруг им повезёт, и они найдут какой-нибудь приют. Дора, Соня, Лиля, Сара – их детишки, которые такое пережили за эти несколько дней, что не всякому взрослому пришлось бы пережить за целую жизнь...

Они шли очень долго, ночевали под открытым небом, плотно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее. Хорошо, что, Хая успела собрать самое ценное и необходимое в ту красную скатерть со стола, теперь они могут хоть на что-то надеяться, обменивая что-нибудь на хлеб и лекарства. Через 2 дня они увидели вдали деревеньку, это прибавило сил, но в то же время их мучила неизвестность: а вдруг там фашисты? Они скрытно подбирались к деревушке, предупредив младших детей, чтобы они вели себя тихо и ничем не выдали своего присутствия. Натан отправился поближе к деревеньке, он следил за теми, кто выходит из домов. Вроде бы никаких намёков на фашистов не было, тогда он пробрался к одному из домиков, тихонько постучал в окно. Выглянула женщина. Натан спросил: «Фашистов в деревне нет?» – «Та пока нема, но усих мужчин призвали на фронт», – и она горько заплакала. Натан объяснил ей, что он с женой и детьми уже много дней ничего не ели и не пили. «Пустите нас передохнуть на несколько дней?» – «Кликайте свою жинку с детишками!» Натан бегом побежал к Хая и детям с радостной новостью. Хозяйка поставила на стол отварную картошку, молоко, несколько маленьких кусочков хлеба. Хая предупредила, чтобы все ели очень осторожно, не передали, а то может быть плохо после стольких дней голода. Дети разом повзрослели, они всё понимали и съели по одной картошине и выпили чуть-чуть молока. Натану нельзя было есть картошку при его заболевании, он позволил себе только кусочек хлеба и стакан молока. Хая спросила, есть ли в деревеньке медпункт? Натану был необходим инсулин, его осталось буквально на несколько инъекций. Оказалось, что фельдшерско-акушерский пункт есть в соседней деревне, там тоже пока нет фашистов, а фельдшерица очень хорошая женщина, обязательно поможет. Хая с Натаном пошли в ФАП за инсулином, а дети после еды уснули прямо на печи среди белого дня.

Фельдшерица действительно оказалась очень милосердной женщиной, но инсулин – это очень дорогой препарат и Хая сняла с пальца одно из колец: «Достаточно?» – «Как же я его продам? И деньги сейчас не известно, какие будут, ведь война идёт! Берите бесплатно, сколько есть, всё и забирайте, вы мне только „Белый билет“ покажите, ведь наших мужчин всех призвали, а Вы не на фронте, я запишу данные в журнал!» Хая была очень рада такой щедрости: теперь инсулина должно хватить на несколько недель, а там, может быть, до города какого-нибудь доберёмся. Они вернулись в хатку, где спали их дети. Они не стали надолго оставаться у радушной хозяйки, чтобы не быть ей в тягость. Расспросили, как добраться до Семёновки. Хозяйка, как могла, рассказала им куда идти, положила в туесок несколько варёных картофелин, хлеб и бутылку молока. Натан и Хая были безмерно благодарны ей, пожелали выжить в надвигающейся «мясорубке» и отправились в неизвестность.

Они долго шли, начались лесистые места, идти становилось очень тяжело. Ветки хлестали идущих сзади, старшие девочки и Натан по очереди несли малышшей. Они очень быстро уставали, а останавливаться было очень опасно, они не были уверены, что идут правильно, но выбора не было и они шли всё дальше и дальше, надеясь выйти к людям. Еда закончилась, они собирали ягоды, съедобные травы, иногда им попадались родники, и они досыта пили эту живую воду, девочкам не давали пить её холодную, Натан и Хая грели её в руках и давали малышкам.

Через несколько дней они увидели жилые дома, спешащих куда-то людей, но ни наших солдат, ни фашистов они не видели: среди жителей были только женщины и дети. Видимо всех взрослых мужчин уже призвали защищать Родину. Натан и Хая ничего не знали об истинной обстановке в стране, но надежда не покидала их, им необходимо было пополнить свои запасы и попытаться уехать подальше от войны. Когда они вышли на городскую дорогу, их вид не внушал доверия: одежда была порвана, сами они были очень измученные и напоминали тени людей.

Первая же попавшаяся им на встречу женщина расспросила их, кто они и откуда идут. Её поразил их рассказ, она искренне плакала, когда Хая сквозь слёзы рассказывала, как погибли её трое малышшей. Женщина пригласила их в свой дом, но предупредила, что состав на юг формируется не здесь, до него надо ещё доехать на телеге, которая была у этой женщины. Они подкрепились угощением, которое выставила женщина, дети снова легли спать, а Хая смогла сделать Натану укол, и они пошли на улицу разведать местную обстановку. На улице не было улыбающихся лиц, не было причины радоваться, почти из каждого дома на фронте были мужья, сыновья, братья и сёстры (они окончили краткосрочные медицинские курсы и добровольно ушли на фронт). Бомбёжек здесь ещё не было, все дома были целы, в сараях стоял скот, по дворам гуляли куры и гуси. Это была окраина города, поэтому эти усадьбы были деревянными.

Хая решила в одном из хозяйств купить курочку, чтобы приготовить бульон и накормить детей, да и им с Натаном не мешало подкрепиться. Хозяйка дома сама поймала им крупную курочку, узнав, что у них ещё и четверо детей, которые уже более 2-х недель не ели горячего бульона. Кольцо, которое Хая дала ей за курочку, она тоже не взяла: «Покушайте вы с детишками, ведь не известно, кому мои курочки и гуси достанутся, мы по ночам часто слышим звуки взрывов, видимо фашисты приближаются к нам. Я вам ещё соберу яиц, сварю побольше, чтобы вы могли в дороге не быть голодными первое время!» Хая была полна благодарности за столь щедрые пожертвования, они с целой корзиной продуктов пришли в дом, где спали дети. Натан и Хая решили поспать до утра, а потом ехать на станцию. Хозяйка покормила лошадку, после завтрака детей посадили на телегу, а взрослые пошли рядом. Простившись с приютившей их женщиной и искренне поблагодарив её за помощь, они стали ждать состав, который повезёт их подальше от войны.

На привокзальной площади было очень много беженцев, значит они, Натан и Хая, правильно выбрали маршрут побега. Услышав гудок паровоза, вся площадь пришла в движение, все звали своих родных, которые во время ожидания, разбрелись кто куда. Началась паника, каждому хотелось занять местечко в вагоне, не потеряв своих родных. Паровоз приближался к станции, когда остановился состав, вся живая масса устремилась занимать места в вагонах: это были такие же самые теплушки, в которых не было полок, все размещались, кто как мог. Натан и Хая с детьми заняли места в одном вагоне, это радовало их, потому что дети были у них на глазах. Когда всё утряслось, они решили перекусить и устроиться отдохнуть. Но по вагону пошел разговор, что состав направляется в Полтаву, естественно с несколькими остановками для заправки, а какая там обстановка, никто не знал. Эта неизвестность всех угнетала, расхотелось спать, все мысли были только о том, что же будет дальше. Внутренний холод охватил всё тело Хаи, она вновь и вновь вспоминала, как потеряла своих трёх ангелочков, что будет с оставшимися детьми, слёзы непроизвольно лились, а Хая и не пыталась их вытирать. Натан

всё понимал, он, как мог, успокаивал Хаю, но как успокоить раненое сердце матери, потерявшей детей, ещё никто не знал. Он обнял её, согревая своим дыханием её руки: они были такими нежными и очень холодными, он целовал их и приговаривал: «Любимая, я всё понимаю, но кто же знал, какая жестокая будет эта война... Я чувствую себя во всём виновным, ведь я – мужчина, а ты – слабая, нежная, беззащитная женщина, а всё легло на твои плечи: и заботы о детях, и обо мне!» Хая, слушая Натана, задремала. Он укрыл её своим пиджаком – его пиджак был большого размера, ведь Натан по сравнению с Хаей был очень высоким мужчиной, так что его хватило укрыть Хаю, она, как маленький птенчик прислонилась к Натану и они согревали друг друга. Старшие девочки спали по двое с младшими девочками и тоже согревались, как их родители. Паровоз иногда подавал знать, что у него есть пар на гудок: это они проезжали маленькие станции.

Была глубокая ночь, в вагоне иногда слышался плач то одного, то другого ребёнка, но матери старались побыстрее успокоить их, чтобы дать отдохнуть остальным беженцам их вагона. Иногда паровоз останавливался, но никто не выходил из вагонов, боясь заблудиться в ночи. Кому было необходимо, выходили и, не отходя далеко, справляли нужду, паровоз, пополнив запас угля и воды, двигался дальше. Наступало утро, солнце сквозь щели в стенках вагона пробивалось длинными тонкими полосками и будило своим светом спящих людей.

Началось движение, каждому что-то было надо делать: кое-как умывшись, Хая, Натан и девочки позавтракали, Натан «получил» свою порцию инсулина, он старался не жаловаться Хае о своём самочувствии. Вдруг состав начал резкое торможение, люди попадали друг на друга, слышались крики и плач, никто не знал, что случилось. Натан, еле выбравшись из-под навалившихся на него людей, решил выйти и посмотреть, что случилось. Их вагон был не далеко от паровоза, он подошел к машинисту и спросил: «Что случилось, почему состав резко остановился?» Машинист махнул рукой в сторону, и Натан увидел, что приближаются фашистские самолёты, они были ещё далеко, но их жуткий гул был уже хорошо слышен. Натан бегом побежал к своему вагону, Хае и девочкам приказал быстренько выходить из вагона и залезать под него или бежать в ближайший лесок, что есть мочи. Хая и малышки залезли под вагон, а Натан со старшими девочками побежал в лес. Только они успели укрыться в канаве, самолёты начали бомбить беженцев, они как будто получали удовольствие от того, что наводят животный страх и ужас на этих беззащитных женщин и детей. Сделав своё чёрное дело, они развернулись и в том же порядке, как прилетели, вернулись на базу.

«Вот она – война! Вот она – смерть!» – думал Натан. Он едва вылез из канавы, где они с девочками прятались, и с трепетом побежали к вагону, под которым скрывались Хая с малышами. Из-под вагона вымазанные смазкой и угольной пылью вылезли Хая и девочки. «Живы!!!» – закричал Натан, он подбежал к ним троим, обнял их и заплакал от счастья, что они пережили такой чудовищный налёт. Вокруг было много раненых и убитых. Все, кто мог, сносили мёртвых на обочину железной дороги всех вместе, не искали их документы, не было времени, самолёты могли вернуться в любое время. Наскоро вырыли подручными средствами небольшое углубление, использовав канаву, идущую вдоль железной дороги, стащили туда погибших людей, присыпали и утрамбовали землю, чтобы звери не потревожили мёртвых. Вытащили верстовой столб и поставили его вначале могилы.

Оказалось, что машинист был ранен в левую руку, помощник был здоров, ему пришлось работать и за машиниста, и за кочегара. Война...

Паровоз дал гудок, чтобы предупредить всех об отправке, бегом все бросились по своим несколько освободившимся вагонам. Состав отправился дальше, главное, чтобы хватило угля: ведь во время обстрела паровоз выпускал пар, как бы закрывая обзор самолётам. Разместившись поудобнее, всё семейство прижалось друг к другу, начали рассказывать, как всем было страшно во время бомбёжки: необходимо было выговориться после пережитого, Натан и Хая целовали детей, гладили их по головам и приговаривали: «Всё будет хорошо, пока мы вместе!»

Они очень горевали по погибшим детям, но не показывали вида девочкам, чтобы не расстраивать их ещё больше, ведь им пришлось пережить такой ужас...

Паровоз равномерно гудел, проезжая маленькие станции, но делал это с какой-то осторожностью, как будто боялся спугнуть ночной покой. Натан и Хая говорили между собой о том, что же делать дальше, в каком направлении более безопасно бежать от войны, пока они ехали в сторону Полтавы, а что же дальше? Натан нежно гладил Хаю по руке, целовал её руку, от этого ей становилось более спокойно, она чувствовала большую поддержку мужа, ей было не так страшно за детей, она надеялась, что всё будет хорошо. Они задремали, тем более, что, Хая сделала Натану укол и он почувствовал себя получше, но пережитое потребовало увеличить дозу. Приближалось утро, что их ждало впереди?

Состав остановился, и народ начал выходить из вагонов, среди ехавших оказалось много скончавшихся от ран после последней бомбёжки, снова собрались все вместе и занялись похоронами погибших. Их похоронили в одной большой общей могиле, снова не было никаких фамилий, так безмянными они и упокоились. Только дощечка от разбомбленного барака напоминала о том, что здесь лежат жертвы войны. Натану, Хае и девочкам удалось выменять кое-что на продукты и набрать питьевой воды. Ведь необходимо было подготовиться к новому «походу» подальше от войны.

Среди беженцев они узнали, что формируется состав на юг в сторону Азовского моря, к Мелитополю. Они решили, что поедут на юг, только пугало то, что они не знали, где же в этот момент находится фашистская армия. Но выбирать было не из чего, и они решили ехать на этом составе. Предстояла долгая и опасная дорога, надо было найти медуучреждение, чтобы купить инсулин: того, что дала им радушная фельдшерица, могло не хватить на дорогу. Натан с Хаей проинструктировали Дору и Соню, чтобы те очень внимательно следили за малышками, даже если подойдёт какой-нибудь состав, они не должны ни в коем случае садиться в него. Девочки успокоили родителей, что присмотрят за малышами, и Хая с Натаном пошли искать инсулин. Они спрашивали у встречающихся людей, где здесь аптека, но из них никого местных им не попало. Наконец в центре города они увидели аптеку, но она была закрыта. Хая стала стучать в окна, надеясь, что кто-нибудь есть внутри: открыла пожилая санитарка, спросила, что они хотят. Она рассказала им, что здесь ничего не знает, а фармацевты все призваны на фронт. Хая объяснила ей, что им нужен инсулин, они могут ей заплатить, только чтобы она разрешила им поискать в многочисленных ящичках инсулин. Они долго перебирали разнообразные лекарства (как Хая пожалела позже, что не запаслась антибиотиками и средствами для очистки воды, но её цель была – инсулин!). Наконец им повезло: они нашли полный ящичек с коробочками с ампулами, это была такая радость!!! Санитарка разрешила им забрать всё, что им надо, взяла одну золотую монету за инсулин, а Хая и Натан поторопились на вокзал. Они быстро нашли своих девочек, заодно они запаслись продуктами, чтобы хватило надолго.

Через несколько часов подошел состав, беженцы, как всегда, толпой кинулись к вагонам занимать места. Конечно, на всех, мест не хватило, но паровоз стоял под парами и не мог ждать, когда все разместятся. Натан и Хая с детьми забрались в вагон, они уже были опытными в этом деле, главное надо было сохранить узел из скатерти, в котором лежали ценные вещи. Они положили его на пол, разместились прямо на нём, хоть теплее было малышкам сидеть, не на голом полу. Паровоз шел без остановок, только иногда совсем ненадолго заправлялся и дальше, война подгоняла его, всё решало время, чем дальше, тем безопаснее. Хая сделала укол Натану и позволила себе немного поспать, кажется, прошло несколько мгновений, как она уснула, вдруг состав снова затормозил, как в прошлый раз: что же произошло сейчас? Натан выглянул из вагона, спросил у пробежавших мимо людей, что случилось? «Впереди разбомблены пути, большой участок, надо восстанавливать, а кто это может сделать?» Все, кто мог, вышли из вагонов, пошли вдоль путей, нашли сложенные в штабель шпалы и рядом рельсы. Беженцы как могли, переносили шпалы к разрушенному участку, всем руководил машинист,

он показал, как надо укладывать шпалы и на накладки с костылями – рельсы, работа подвигалась очень медленно, все были истощены, быстро уставали, перерывы были длительными, а время подгоняло, надо было торопиться.

Наконец всё наладили, машинист проверил, правильно ли всё сделано – ведь он вёз столько людей, вся ответственность была на нём. Состав начал движение, все разместились по своим местам. После такой тяжелой работы Натану необходимо было сделать укол, чтобы не ухудшилось его состояние. Девочки мирно сидели все вместе, Хая подседа к ним и стала рассказывать, какой у них папа – герой! Они перекусили, попили чистой воды и стали рассказывать по очереди разные истории, чтобы чем-то занять время. Настала ночь, тревога усилилась: именно ночью самолёты могли прилететь и начать стрелять или бомбить, представить это было ужасно. Предчувствие не обмануло: вскоре все услышали гул самолётов, куда деваться, состав продолжал движение, на ходу не выпрыгнешь, да ещё и дети на руках: все стали, молча ждать своей участи...

Самолёты начали расстреливать вагоны, взрослые пытались, как могли, прикрывать своих детей, больше они ничего не могли для них сделать. Самолёты прямо вдоль вагонов строчили из пулемётов, запас был, видимо, большой, потому что они разворачивались и снова возвращались, и расстреливали вагоны. Отстрелявшись, они ушли от железной дороги, состав продолжал движение, хорошо, что не повредили паровоз. Повсюду слышались стоны и крики, а кто-то просто молча лежал – отключился в своей жизни. Убитыми оказались и взрослые, и дети. Было много раненых, крыша была как решето, вся в дырках от пуль...

В вагоне отделили живых от мёртвых, которых сложили всех вместе. Родные оплакивали своих, но не все были узнаны. Натану и Хае повезло: они все остались живыми и здоровыми – слава Богу! Состав продолжал движение, начался дождь и в дырки в крыше начала заливаться в вагон вода, от неё некуда было деться, укрылись, чем могли, но всё очень быстро намочило и не спасало, а дождь продолжался. Платице Лили было мокрым насквозь, Хая сняла его с Лили и одела на неё пиджак Натана, чтобы немного обсохла и согрелась, а Сара спряталась под скатерть и дождь не сильно её доставал. Старшие девочки дрожали от холода, их обнял Натан и грел своим теплом.

Наконец дождь закончился. Состав продолжал движение, иногда останавливаясь на короткое время. Никто не знал, где закончится эта поездка. На следующий день объявили, что дальше некуда ехать. Было очень опасно, чтобы такое скопление подвергать опасности нападения. Пришли медработники, они обследовали тех, кто нуждался в помощи: многие были ранены, у многих от холодного дождя поднялась температура, им требовались лекарства. Для Натана, Хая по его «белому билету» смогла получить немного инсулина, попросила жаропонижающее для детей. Она была маленькая хрупкая женщина, но ей «некогда» было обращать на себя внимание, она как будто стала железной: у неё были обязанности и чувство большого долга перед семьёй. Они с Натаном решали, куда идти дальше: у них не было карты, не было газет, чтобы сориентироваться в обстановке на фронте, тогда можно было бы целенаправленно идти в безопасное место. Они понимали, что такого места не существует, везде идёт война, а куда им с детьми идти – знает один Бог. Они положились на милость Божью и отправились на юг Страны, это было нелегко физически.

Девочки очень быстро уставали, они просто засыпали на ходу, тем более питание было очень скудным, поэтому слабость не давала им продвигаться так быстро, как хотелось бы. Когда они доходили до крупного города, они могли пополнить свои запасы продовольствия и воды, иногда им удавалось обменять вещи на молоко: малышам это было необходимо. Иногда, видя их жалкое состояние, из чувства милосердия их приглашали в дом, топили для них баню, и они могли помыться: длинные косички девочкам пришлось состричь, в таком виде их головки были такими симпатичными, с золотистыми локонами и кудряшками. Их после бани укладывали спать, поменяв порванное и не свежее бельё и платье на чистое. Нашлось, что одеть и Натану:

муж хозяйки, ушедший на фронт, был высокого роста, широк в плечах, одно слово-красавец! При виде Натана в его одежде, у хозяйки на глаза навернулись слёзы: она вытерла их фартуком и пригласила перед сном немного перекусить. Дети знали, что много сразу есть нельзя: они уже повзрослели не по годам, всё пережитое не прошло даром. Они спали все вместе, укрывшись несколькими одеялами, казалось, что ничего не может быть лучше после бани и вкусной еды. Проспав целые сутки, Натан и Хая начали будить детей: пора было идти дальше. Хозяйка рассказала, как дойти до следующего города, но предупредила, что иногда прилетают фашисты, город они ещё ни разу не бомбили, видимо были другие цели, но где гарантия, что им повезёт. Они много раз ехали на попутных поездах, когда узнавали, что он идёт на юг, им казалось, что именно там война их не догонит...

Прошло целых 5 месяцев, когда они попали в Баку. Там было тепло, но ночи были холодными, жить было негде, и они попросились на постой в одну многодетную семью: им казалось, что те, кто имеет большую семью, хорошо их понимают. Натан нашел работу в магазинчике у азербайджанца, который мог разговаривать по-русски: он до войны учился в Москве, а когда возникла угроза того, что немцы могут прорвать оборону и попасть в Москву, он уехал домой. Его отец заболел и Али-Ахмету (так звали хозяина магазинчика) понадобился знающий помощник. Для Натана эта работа была знакома, и хозяин поощрял его: хорошо платил ему и давал много продуктов для семьи.

Так длилось не долго: жители Баку начали вести разговоры о том, что фашисты хотят добраться до Бакинской нефти – самолётам и танкам необходимо много топлива, а партизаны развернули свои действия и подрывали составы с топливом, так что Баку был очень лакомым кусочком. Поскольку оставаться больше было нельзя, Натан и Хая решили «спрятаться» от войны на севере, им надо было уберечь оставшихся детей. Они стали собираться в неизвестность: запаслись сухарями из пресных лепешек, бастурмой из баранины, налили несколько бурдюков верблюжьим молоком. Пару бурдюков наполнили чистой водой. Хая пополнила запасы инсулина для Натана, можно было отправляться в путь. Хая щедро расплатилась с хозяевами за приют, и они отправились на вокзал. Видимо, многие знали о приближающейся опасности: вся площадь была заполнена людьми с узлами, бурдюками, это было так знакомо Натану и Хае. Они тоже все что-то несли: Натан был «навьючен» бурдюками, старшие девочки тоже несли по одному бурдюку на плече, даже малышки несли по одной пластиночке бастурмы. Хая несла узел с ценностями и вещами, лекарство, бастурму, она не чувствовала тяжести, у неё было одно желание – оказаться всем вместе в одном вагоне и ехать, ехать, ехать...

Подшел паровоз, площадь зашевелилась, как живой организм, были слухи, что состав пойдёт на север в сторону Дербента по берегу Каспийского моря. Хая и Натан смогли вместе с детьми сесть в один вагон, устроились там поудобнее, весь груз сложили в одном месте, теперь надо было им разумно распорядиться, чтобы хватило надолго. Паровоз шел, как всегда, с небольшими остановками, но никто не решался выходить в это время, боялись отстать и потерять своё местечко. Путь был долгим, всех сморил сон, гудки паровоза прерывали эту тишину, но никто не беспокоился, главное, что состав везёт их на север. Скоро добрались до Дербента, там паровоз отцепили и все стали ждать, когда подадут другой.

Время шло, Натан и Хая решили покормить детей, перекусить самим, сделать Натану укол. Всё шло своим чередом. Паровоз подали только через несколько часов, все устали от неизвестности и были рады, что они снова в пути. Пошли слухи, что состав направляется в сторону Астрахани через Дагестан и Калмыкию, по горным и равнинным дорогам, снова была неизвестность. Продукты заканчивались. Во время одной из длительных остановок, Хая пошла выменять вещи на что-нибудь съестное. Натан остался с детьми: он очень плохо себя чувствовал, его мучил озноб и непреодолимое чувство жажды, он сам попытался сделать себе укол, но у него ничего не получалось, он решил оставить лекарство в шприце до прихода Хаи. Сара захотела в туалет, она сказала об этом Доре, та вывела её, чтобы помочь и не отстать, Хая вер-

нулась довольная: ей удалось принести и хлеб, и молока. Она сделала укол Натану, покормила всех и напоила. Молоко оказалось не кипяченым, у Лили начал сильно болеть животик, она корчилась от боли, и Хая решила вывести её из вагона на свежий воздух, поискать медицинскую помощь – девочка очень страдала. В здании вокзала они нашли мед. пункт, фельдшер сказал, что у него нет необходимых лекарств, чтобы помочь им в этой беде. В это время по радио объявили, что паровоз заправлен и готов отправиться дальше. Хая подхватила Лилечку на руки и побежала к вагону. Натан помог им взобраться и усадил их поудобнее. Хая положила руки на животик Лили и старалась унять её боль. Но это не помогало, Лиля уже не плакала, она только тяжело дышала, Хая почувствовала, что у девочки поднимается температура, вспомнив, что у неё есть жаропонижающие таблетки, она растёрла их в ложке и дала выпить Лиле, та не сопротивлялась, она тихо выпила лекарство, но Хая чувствовала, что ей становится хуже.

Состав продолжал движение, Хая металась среди беженцев, надеясь у них найти хоть какую-то помощь, но в вагоне не оказалось ни медработников, ни лекарств. А Лилечка угадала на глазах. Она уже просто молчала и смотрела на всё отсутствующим взглядом: Хая понимала, что теряет своего ребёнка, слёзы застилали глаза Хаи, но она ничего не могла поделать. Лилечка тихонько заснула и больше уже не проснулась. Хая оплакивала свою малышку, Натан тоже стоял над ними и горько плакал, он снова винил себя во всём...

Паровоз делал своё дело, вёз от войны беженцев, и никто не знал, какое очередное горе посетит семью Хаи и Натана. Старшие девочки тоже плакали над младшей сестрёнкой, понимали, что во время очередной остановки придётся похоронить Лилечку, как и Клару, Каролину и Бураха. Их осталось три сестры, одна из которых была тоже ещё совсем маленькой. Состав остановился для заправки, многие вышли из вагонов размяться, но не отходили далеко от вагона. Натан, Хая и сёстры шли со своим скорбным грузом подальше от железной дороги, они нашли хорошее углубление в стороне от дороги, подкопали его поглубже и положили туда свой драгоценный свёрточек: Хая рыдала, а Натан наклонился и руками засыпал могилку, девочки стояли и плакали: они ещё не были по возрасту готовы к таким утратам. Поставили в ногах могилки столбик и на дощечке нацарапали имя «Лилия» -1942год, март. Паровоз подал сигнал об отправлении, и все кинулись к своим вагонам: там ведь остались их нехитрый скарб и лекарство. Они ехали на север, а четверо их деток остались навсегда в чужой земле. Хая безудержно плакала, вспоминая кудряшки Лилечки, её золотистые мягкие волосы, как нежно она обнимала Хаю, желая ей спокойной ночи, и слёзы ещё больше лились из глаз. Натан сидел и молчал, у него не было слов, чтобы утешить Хаю, а впереди была неизвестность и кто из них останется в живых, знает только Господь.

Ехали с остановками, но никто не выходил, разве что только на минуточку, чтобы присесть недалеко от вагона. Естественные надобности никуда не уходят от человека, какая бы война ни была. Хая не хотела ни есть, ни пить, она была под властью своего безмерного горя, напомнившего обо всех её потерях. Натан уговаривал её что-нибудь поесть, хоть кусочек хлебушка с водичкой, ведь их общему горю уже нельзя помочь, а Жизнь продолжается – это звучало довольно банально, но других слов у него не было. Он очень переживал, он любил Хаю и своих детишек, которых подарила ему Хая, они все были ему дороги и любимы! От Хаимчика они давно не получали известий, да и не могли их получить: у них не было теперь адреса, они ехали – ехали – ехали...

Впереди их ждала новая беда: на одной из остановок в городе, Натан и Хая пошли запастись продуктами и водой, они взяли немного ценных вещей, чтобы их обменять. Старшим девочкам строго наказали следить за узлом с вещами и за младшей сестрой. Пока они искали, где можно поменять вещи, Сара решила посмотреть здание вокзала. Старшие сёстры запрещали ей отходить от них: с ней они не могли пойти, потому что огромный узел с вещами надо было охранять (участились случаи воровства – многие голодали и шли на такие преступления, не думая, что воруют у таких же беженцев). Сару как будто что-то манило от сестёр, она ухо-

дила от них всё дальше, зашла в здание вокзала, и её было уже не видно. Дора и Соня посоветовались и решили, что с вещами останется Дора (она была высокая, вся в отца!), а Соня пойдёт искать Сару. Вдруг площадь зашевелилась: подходил состав, сейчас должны были объявить посадку, а ни родителей, ни Сони с Сарой нет. Дору охватил ужас: что она скажет родителям. Подошли родители, увидев Дору одну, они в недоумении спросили её: «Где девочки?» Дора спутанно пыталась объяснить им ситуацию, но Натан, догадавшись, что произошло, сказал Хае, чтобы они с Дорой оставались ждать его, а сам побежал в сторону вокзала. Он слышал, как паровоз отходит от станции, но у него была одна цель: его девочки. Он осмотрел каждый закоулочек вокруг здания вокзала, зашёл вовнутрь, там было пусто: все уехали. Он вышел снова на привокзальную площадь и под каким-то засохшим деревом увидел Соню: она сидела на земле и горько плакала. Натан подбежал к ней и стал спрашивать, что случилось, почему она плачет? Соня сквозь всхлипывания рассказала ему, как Сару подхватил поток беженцев, спешащих занять место в вагонах, люди подумали, видимо, что она отстала и запихнули её в вагон, Соня не успела её забрать, потому что состав тронулся, и Сара осталась в вагоне. Соня безудержно плакала, а Натан стоял, как вкопанный, услышав её слова: от паровоза даже не видно было дыма из трубы, он был уже далеко...

Натану стало очень плохо, болезнь давала себя знать, от волнения с сахаром в организме происходило что-то невероятное, он едва не потерял сознание: что он скажет Хае? Она потеряла всех малышей, а теперь потерялась Сара. Где она, как будет среди чужих людей, она просто умрёт от голода: никому не нужен в такой дороге лишний рот. Мысли ворохом копошились в его голове, он про себя формулировал, как такую страшную весть сказать Хае? Соня не переставала плакать, он пытался её успокоить, но тщетно: она считала себя виновной в потере Сары. Они медленно пошли к Хае и Доре. Увидев, что они возвращаются вдвоём, Хая завывала, как раненая волчица, она бросилась к ним и всё говорила: «Ведь это не правда? Ведь это не правда? Где Са-ра-а-а-а?» Соня снова зарыдала, Натан тоже не мог сдержать слёз и ничего не мог объяснить Хае. Хая упала на землю, царапала её ногтями, как будто хотела откопать следы Сары, её девочки – красавицы...

Она долго билась в истерике, потом затихла, а когда она встала, Натан увидел, что у неё волосы на висках поседели. Он обнял её и повёл к Доре. Та стояла молча, ей нечего было сказать родителям, она не уберегла сестру, и вряд ли они её когда-нибудь найдут. Хая сделала Натану укол, дала им поесть: они с Натаном смогли обменять вещи на продукты и нашли воду. В Хае поселилась неизбывная тоска, а сердце сжалось в комок и не хотело работать. Как же им теперь быть, где искать Сару, к кому в такое время можно обратиться за помощью. Они с Натаном пошли к начальнику вокзала. У того в кабинете разрывались от звонков три телефона, и он умудрялся говорить по ним одновременно, Натан и Хая и слова не могли вставить между звонками. Они долго ждали, не уходили, потому что это была их единственная надежда на помощь. Наконец они рассказали ему о своей беде. «Не вы первые, не вы последние! Думаете, только ваш ребёнок отстал от родных? Меня целыми днями после отправки состава засыпают такими просьбами: дети такие любопытные, вот и теряются! Хорошо, я постараюсь связаться с тем составом и попробован найти вашу девочку, но ничего гарантировать не могу, простите, это дело не простое!» Эти слова не утешили Натана и Хаю: они поняли, что свою Сарочку они больше не увидят никогда...

Несколько дней они ждали следующего состава на север, им предстояло ещё очень долго ехать, смогут ли они избежать потерь...

Когда подошел состав, они по привычке заняли место в вагоне, народу было не очень много, так что они разместились свободно. Паровоз вёз их на север, их уже не пугали внезапные гудки и остановки, они были беженцы «с опытом». Хая не могла спать, она практически ничего не ела, всё делала механически: кормила всех, кто остался, делала Натану уколы и всё это, как во сне. Иногда из её глаз лились слёзы, она содрогалась от рыданий, Натан не мешал

ей плакать, он думал, что она должна выплакаться. «Хаечка! Не надо оплакивать Сару, может быть она ещё найдётся, вот доедем до следующей остановки и поищем её там, ведь начальник вокзала сказал, что сообщит о пропаже ребёнка!» Хая ничего не говорила в ответ, она всё теперь делала молча, как будто онемела. Дора и Соня понемногу начали успокаиваться, Натан их тоже убеждал, что есть надежда, что Сару найдут на следующей станции. Сам он понимал, что потерял свою малышку навсегда: кому нужен чужой ребёнок, без него хватало у всех хлопот, но он – мужчина и должен был поддерживать своих несчастных и страдающих девочек и любимую Хая. Состав доехал до той станции, где они предполагали найти Сару. Натан помог выйти Хае и девочкам, усадил их на удобное видное место, заставил одеться потеплее: ведь они ехали с юга на север, даже днём, не то что ночью, было уже холодно: их выручили те тёплые вещи, которые Хая заставила всех взять с собой, когда они бежали из Киева: не известно, куда занесёт их война. Натан пошёл к начальнику станции, чтобы спросить, звонили ли ему насчёт пропавшей девочки на предыдущей станции. Начальник станции, как и тот, к которому они обращались, был тоже очень занят. Натан долго ждал, когда начальник обратит на него внимание. Натан рассказал ему о своей беде. «Никто не приводил „чужих“ детей, возможно, что те, с кем она ехала, приютили её у себя, но никто не может дать гарантии, что их можно найти: город большой!» Удручённый Натан медленно брёл в сторону Хаи и девочек, он боялся показаться им на глаза с такой вестью...

Хая молча выслушала Натана, она уже не могла плакать, но всё ещё молчала. Она дала поесть и попить Натану, сделала ему укол. Он спросил у девочек, не голодны ли они? Они ответили, что мама дала им поесть, потому что Натан очень долго ходил на станцию. Они снова начали плакать, несмотря на то, что они были уже почти взрослыми. Несколько дней опять пришлось ждать попутного состава, становилось очень холодно и не только ночью, но и днём, вся семья была истощена: они давно не ели досыта, всем было необходимо поесть горячего бульона, и Хая решила пойти одна искать продукты. Натан очень хотел сопровождать её, но Хая молча отстранила его рукой, взяла несколько дорогих вещей и пошла в город. Натан видел, как тяжело ей идти одной, в незнакомом городе было не безопасно, но он не решился оставить девочек одних, тем более, что с таким узлом они далеко бы не ушли: процветали грабежи и разбой, голод делал из людей зверей, они не щадили ни старых, ни малых. Хаи долго не было, наконец, её хрупкий силуэт показался около станции, девочки побежали к ней, чтобы помочь нести продукты: Хая очень устала и была рада такой помощи. Но горе стояло в её глазах, там, где раньше светилась любовь, сейчас было горе и отчаяние. Она напросилась в привокзальную столовую сварить курочку, которую она выменяла на вещи, ей разрешили, но с условием, что ей придётся поделиться курочкой, она молча кивнула. Когда курочка была готова, она отломала кусок поварихе, та поблагодарила и Хая пошла к своим. Она напоила девочек и Натана бульоном, а курочку завернула на следующий раз, им надо было экономить. У Хаи одна мысль сверлила голову: сыта ли сейчас её малышка – Сарочка, где она, может совсем рядом? Ей хотелось бродить по улицам и всматриваться в лица всех малышек, чтобы найти свою дочь. Но Натан запретил ей уходить одной, он заставил её попить бульон, пока тот ещё не остыл. Хая совсем немного попила, поцеловала его руки, как бы говоря ему: «Спасибо!» Она села рядом с девочками и Натаном, впервые за столько дней она обняла их. Она не знала, сколько ещё придётся ждать: ночи становились холодными, ведь они уезжали из тёплых краёв на север, теперь им понадобятся тёплые вещи. Хорошо, что старшие девочки собрали тёплые вещи, когда они убежали из Киева, но теперь их не хватало. Хая с Дорой пошли на барахолку: Хая уже хорошо ориентировалась в городе и знала, где и что можно выменять. Натан и Соня остались на станции с вещами и лекарством, он сказал, что даже если подадут состав, они будут ждать их здесь и никуда не уйдут. Хая, на барахолке, выменивала на ценности фуфайки, одеяла, платки, даже валенки большого размера, как раз с этим была проблема: Натан высокого роста, широк в плечах, и подобрать ему что-нибудь было трудно. Вдруг Хае на глаза попалась

заплаканная женщина: она держала пальто, брюки и шапку большого размера. Хая подошла и спросила: «Почему слёзы застилают Ваши глаза? Что случилось?» «Миленькая, да я вижу и у тебя в глазах горе, что-то произошло?» Хая молчала, ей было очень горько всё вспоминать, а женщине она сказала: «А Вы расскажите о своём горе, когда выговоришься, становится легче, говорят, но мне это не поможет, к сожалению...» Женщина тихо заговорила: «Сынок мой единственный был тяжело ранен на фронте, остался без ног, началось заражение, а лечить некому и нечем, так у меня на глазах и умер. Осталась совсем одна – за месяц до смерти сыночка получила похоронку на мужа. Хотела руки на себя наложить, но ведь это большой грех: сколько Бог дал Жизни, надо её прожить, а как жить, в доме никаких припасов, вот и решила обменять вещи мужа на продукты, на сколько-то хватит, а там видно будет!» Хая поблагодарила несчастную женщину, расплатилась с ней, пожелала ей пережить это лихолетье, и они с Дорой пошли на станцию. Они очень торопились: в любой момент могли сформировать состав и подать на загрузку, а оставаться ещё на одну холодную ночь не хотелось. Натан издали увидел их и побежал, чтобы помочь нести вещи. Хая и Дора успели вернуться вовремя: к станции подходил состав, на привокзальной площади осталось мало беженцев, видимо разошлись по родным и знакомым, фашистов в этих местах ещё не наблюдали, страх перед смертью притупил сознание опасности, мало кто решился ехать дальше в глубь страны, а Натан и Хая решились бежать дальше. Хая до самого отхода выглядывала из вагона и прислушивалась к детским голосам: а вдруг их малышка ищет их, но... увы, её надежды не оправдывались – это были чужие детские голоса. Её сердце жгло огнём боли утраты, слёз больше не было, они тоже сгорели в болевшем от горя сердце.

Состав отправился очень аккуратно, как будто он вёз раненых: это действительно были раненые войной люди, почти в каждой семье случилась беда, но необходимо было жить, ради оставшихся. Кто-то ухаживал в дороге за своими ранеными родными, а у Хаи была обязанность вовремя ввести лекарство Натану, накормить семью, напоить – вода была на вес золота, её очень бережно расходовали, только Натану выделили побольше, чем остальным: он постоянно ощущал жажду из-за своего коварного заболевания. Хая молила Господа о том, чтобы Натан не получил никакого ранения, даже царапины, она оберегала его, как мать оберегает своего младенца: для него любая ранка могла быть смертельной. Даже в замкнутом пространстве вагона для всех находились какие-то дела: что-то зашить, заштопать, подшить после примерки, чтобы было удобно одевать эти вещи. У девочек и Хаи были тёплые кофты и ватные фуфайки, на ночь они укрывались одеялами и грели друг друга. Для Натана вещи покойного мужа той несчастной матери, которая потеряла и мужа, и сыночка, подошли по размеру, пальто было для него и одеялом на ночь, и верхней одеждой в прохладные дни. Еды и воды пока хватало, их состав направлялся в обход опасных участков дороги к городу Молотову, это были Уральские горы, которые делили Страну на Европу и Азию: Молотов находился в Европейской части, но это был глубокий тыл и многие стали успокаиваться, что им теперь не страшны налёты. Зато теперь им навстречу шли составы с призывниками, они ехали на фронт, совсем юные мальчишки, никто из них не знал, что ждёт впереди. С фронта в тыл везли теплушки, переполненные ранеными солдатами: состав, в котором ехали Хая с мужем и детьми, часто пережидал, пропуская их на центральную дорогу. Иногда эти эшелоны останавливались, из вагонов выносили умерших в пути: тот, кто был в состоянии, рыли им большие братские могилы и хоронили их всех вместе, устанавливая примитивные памятники с перечислением фамилий и инициалов погибших бойцов. Эти эшелоны шли в основном в Сибирь, подальше от войны, чтобы подлечить раненых и снова на поле брани. Хая оплакивала каждую траурную процессию, она думала о тех матерях, жёнах и детях, которые ещё не знают, что они никогда уже не обнимут своих родных: похоронки идут очень медленно, и у ждущих ещё теплится надежда на встречу.

В Молотове многие решили обосноваться, но Натан и Хая узнали от начальника вокзала, что через пару дней будет сформирован состав на Соликамск, оттуда предполагали взять

стратегическое сырьё, а туда вагоны будут свободны. Натан и Хая решили, что подождут этот состав. Хая пошла «на разведку» в город, чтобы найти барахолку и приобрести необходимые продукты, Натан с девочками снова остался на вокзале: Хая разместила их внутри здания, там было потеплее, во всяком случае, не так ветрено. Ей удалось, расспрашивая людей, попадавшихся навстречу, где можно достать продукты, она смогла очень выгодно выменять вещи на продукты и заторопилась к своим: Натану уже подошло время сделать укол. Он иногда говорил ей, что ему надо научиться самому делать инсулин, но Хая, вспомнив его прежнюю неудавшуюся попытку, сказала, что пока она жива, она будет делать уколы сама, ей это не трудно, да и лекарство надо экономить. Она обрадовала Натана, что рядом с барахолкой была аптека и там она купила ему лекарство: не известно, сколько ехать в этот далёкий Соликамск.

Через два дня, как и говорил начальник вокзала, пришел состав, вся семья хорошо устроилась на полу вагона, народу было мало, маленьких детей совсем не было, так что по ночам их будил только гудок паровоза на станциях заправки. Доехали до города Березники, не доезжая до Соликамска. Из вагона был виден новый современный город, на окраинах были бараки, а в центре – кирпичные дома. Им понравился этот городок, и они решили больше не скитаться, остаться здесь. Они распределили свой багаж, между всеми, и пошли в город: для них это было настолько привычно – иногда они шли, не зная куда идут, а теперь у них была впереди цель – город! Когда они подходили, встречные люди подсказали им, где можно найти эвакупункт: о такой организации они слышали впервые, на всём протяжении их долгого и трагичного пути им нигде не подсказали об этом. Они дошли до эвакупункта, там их ценные вещи приняли на ответственное хранение, тёплые вещи предложили продезинфицировать, им самим – хорошенько помыться горячей (!) водой, дали маленький кусочек мыла и мочалку, которую здесь называли вехоткой на местном наречии. Сначала Хая и девочки помылись и получили чистое нижнее бельё, затем пошел мыться Натан – ему тоже дали и мыльце, и вехотку. Он вышел в предбанник в чистом нижнем белье, довольный и почти счастливый. После обработки их верхней одежды, они получили всё в целости, их накормили и напоили сладким чаем, кроме Натана, ему дали простого кипятка и чёрный сухарик. Куриного бульона на эвакупункте не было предусмотрено. Потом им показали, где они будут спать первое время, пока они не определятся с работой, именно там давали «жилё». Они оказались в большой комнате, перегородженной простынями на женские, мужские и семейные отделения. В этой комнате проживали четыре семьи, но только в их семье был мужчина. Так они впервые более чем за полгода получили спальное место: это были широкие металлические кровати с тонкими ватными матрасами, но для них, после их длинного пути, это была невиданная роскошь. Девочки легли на одну кровать и сразу уснули после всех процедур и питания. Натан и Хая легли в семейное отделение на кровать, которая для Натана была коротковата, пришлось подставить в ногах табурет. Натан крепко обнял Хаю и стал нашептывать ей на ушко: «Милая! Мы больше никуда не поедem, не будем бояться, хватит ли нам еды, воды, лекарств, значит всё будет хорошо». Хая горько заплакала и, сквозь слёзы, начала повторять, как молитву, имена своих погибших детей и пропавшую Сару, она просила у них прощения, что не уберегла их в таком долгом пути. Хая плакала, а Натан, как мог, утешал её: он увидел, какая она стала худенькая и маленькая, как ребёнок, только поседевший ребёнок, его пронзило невыносимое желание защитить её, у него не нашлось других методов, как целовать её мокрое от солёных слёз лицо и шептать: «Успокойся, любимая моя! Ты ни в чём не виновата – это наша судьба, мы должны пережить эти утраты достойно, никакое время не залечит наши душевные раны, но необходимо продолжать жить: у нас две дочери и старший сыночек, которому теперь тоже нелегко, давай будем молить Господа, чтобы он сохранил нашего первенца Хаимчика!» Хая внимательно слушала мужа и удивлялась его мудрости, не у каждого найдутся такие слова. Они прижались друг к другу и задремали.

Когда они проснулись, оказалось, что они проспали целых 12 часов и не мудрено: им столько пришлось пережить, а здесь их приняли, накормили, дали возможность впервые хорошо помыться и спали они на настоящих кроватях – это очень много значило. Натану необходимо было сделать укол и найти что-нибудь для питания по его диете: на кипятке и сухариках он долго не протянет. Хая не стала будить девочек, Натану, напомнила, что надо пойти получить их ценности и тогда она пойдёт на рынок: Хая рассчитывала, что в городе он должен быть. Натан принёс её огромный узел, Хая взяла оттуда несколько дорогих вещей и пошла за продуктами. Их поселили в бараке, который находился совсем не далеко от рынка, Хая была довольна этим: она за дорогу так устала, что близость рынка была маленькой радостью. Рынок был такой же барахолкой, как и те, где она в других городах приобретала продукты. Она долго искала то, что было необходимо: была зима, так что можно было взять продукты впрок, хранить между оконными рамами. Хая нашла и три пары валенок: для них это был самый лучший вид обуви в это время года. Возвращалась она с авоськами, полными вещей и продуктов: теперь и Натан будет сыт – она нашла даже гречневую крупу на барахолке, для бульона лучшей заправки не бывает. Когда она пришла в свою «комнату», девочки уже не спали, Натан поил их чаем с сухариками – это был их завтрак. Необходимо было искать работу, чтобы получить продуктовые карточки: им как беженцам на первое время дали карточки, но это были мизерные количества продуктов, на них долго не протянуть, работа была крайне необходима. Девочки наугад пошли в город искать работу, а Натан стал искать работу по своей специальности: он заходил в действующие магазинчики, но штаты были везде укомплектованы, да и какая торговля, когда нечем торговать: всё шло через натуральный обмен. Он удручённый вернулся домой: Хая готовила обед, девочки тоже не нашли работу. «Ничего, дорогие, никто никого нигде не ждёт, будем ещё пытаться, главное мы вместе!» – сказала Хая ободряюще. Она накормила свою семью и села писать письмо сыну на фронт, чтобы сообщить, где они обосновались. Она очень волновалась за него. Ведь от одной остановки эшелонов до другой они не могли сообщить ему ничего, а о том, что в их семье остались только старшие, они не могли ему написать: боялись его расстраивать. Но и физически не могли написать ни строчки – это было очень тяжело, не было таких слов, чтобы описать всё случившееся. Теперь они будут ждать его возвращения с фронта и надеяться, что так и будет. Хая и в этом письме не всё могла написать, она плакала над каждым словом, посылаемым Хаимчику, пусть он узнает обо всём потом. Натан и девочки каждый день ходили искать работу, а Хая в это время готовила им еду, делала уборку в отведённых им «секторах» для сна, часто ходила на рынок добыть продукты и понемногу готовилась к весне: она не знала, что в Березниках весна наступает очень поздно, сразу за весной идёт холодное лето, но в связи с тем, что этот город стоит практически на одной широте с Ленинградом, то в июне были белые ночи – удивительное явление природы, когда сумерки плавно перетекали в светлую ночь, можно было гулять, как днём. Хае не очень нравилось это, потому что такой ритм жизни был не привычен: спать, когда на улице светло. Белые ночи длились не долго, потом было лето, но оно было очень холодным: редко, когда температура воздуха поднималась выше 20 градусов. Родившись в солнечном Киеве, в котором весной расцветали «свечки» каштанов, созревали плодовые деревья, было много ягод и фруктов, Хае такой климат не нравился, но выбора не было. Они решили жить здесь, сюда и их сын вернётся после окончания войны, а там они все вместе решат: жить им здесь или ехать обратно в родной для всех Киев. Дни шли за днями, наконец-то они получили треугольничек от Хаима, он сообщал, что конца войны пока не предвидится, идут жестокие бои за каждый дом и улицу, наша армия несёт большие потери, но его пока Бог миловал: он не ранен и продолжает воевать. Хая зачитывала каждый такой треугольничек. Хоть они приходили не очень часто, но для Хаи эти письма были святынями: это её мальчик там воюет, каждую минуту с ним может что-то случиться. Она часто, когда дома никого не было, брала эти письма своего первенца, плакала и целовала их, прижимая их крепко к себе: таким образом, она старалась оградить его от всякой напасти. Её

материнское сердце теплело от этих строчек сыночка, надежда, что он вернётся, укреплялась в ней. Она ждала эти треугольники каждый день, понимая, что не может её сыночек писать так часто – война...

Но она ждала! Натан и девочки усиленно искали работу, но ничего не находилось, они очень огорчились от этого, ведь продуктовые карточки были очень необходимы. Есть надо было каждый день – так устроен человек, тем более, что они пережили время бегства от войны, им было необходимо укрепить здоровье. Инсулин Натану на эвакуационном пункте выдали и поставили на учёт, теперь не надо было волноваться, что ему будет нечем помочь, когда будет плохо. Он периодически сдавал анализ крови на сахар, диагноз каждый раз подтверждался, поэтому его не лишали «белого билета» – не призывали на фронт, хотя по возрасту уже начали призывать и его год рождения: наши войска вели ожесточённые бои. Хая много читала в газетах о том, где и какие идут сражения, она ориентировалась по треугольничкам от сына, далеко ли он находится от мест этих сражений и понимала, что его в любую минуту могут послать на передовую. Её материнское сердце предчувствовало, что с ним может случиться беда. Натан нашел себе «работу»: ему предложили стоять на воротах въезда в шахту и пропускать паровоз, который привозил туда уголь, а обратно его загружали секретным стратегическим сырьём, которое он перевозил на переработку на секретный завод в черте Березников. Его взяли с испытательным сроком, он с усмешкой выслушал это – неужели он не справится с какими-то воротами, но он не знал, что ворота эти очень тяжелые, чугунные, литые, двухстворчатые. Они закрывались на замок, который надо было вовремя открыть и пропустить паровоз, закрыть после прохода всего состава на территорию. Он со всем согласился, ему сказали, что он будет получать рабочие карточки. Натан шел к Хая, чтобы порадовать её. Хая, действительно, с одной стороны была рада, а с другой – она забеспокоилась, не тяжело ли будет Натану выполнять такую работу. Через несколько дней Дора нашла тоже очень тяжелую работу: она была рослая, казалось, что она сильная и сможет работать, её работа заключалась в том, что она должна была вручную подносить газосварщику тяжёлые баллоны с газом и относить пустые, и так целую смену: это было очень тяжело для молодой девочки, правда ей уже исполнилось 18 лет, но Хая очень переживала, что она может надорваться на такой тяжелой работе, а ведь ей предстояло рожать детей. Но делать нечего, ведь у её девочек не было особой специальности.

Натан начал работать на шахте. Он однажды услышал, что на трудовой фронт призывают молодых девушек на железную дорогу. Им предстояло чистить дорогу от вывалившегося на пути и под вагоны угля, для этого надо было залезать под каждый вагон, очищать от кусков угля подвагонное пространство, аккуратно очищать рельсы и так под каждым вагоном и рядом с ним. Работать набирали целую бригаду девушек, чтобы побыстрее дать паровозу проехать в шахту: военное время требовало этой спешки. Соне несколько месяцев не хватало до 16-ти лет, но работниц на такую опасную работу не было, а разрядку надо было выполнять, и её приняли. Теперь у троих были продуктовые карточки, Натану периодически выдавали инсулин, всё понемногу уладилось, только Хая не могла радоваться: ей часто снились потерянные малыши, они как будто упрекали её, их маму, что она не смогла им помочь. Хая просыпалась и тихо плакала. Чуткий Натан, увидев её слёзы, брал эту седую маленькую женщину на руки и тихонько, чтобы никого не разбудить, носил её по-своему «семейному» отделению и шепотом пытался успокоить, а Хая обнимала его за шею и всхлипывала. Она засыпала, и Натан тихонько укладывал её в кровать: он так хорошо понимал её, любил, как в молодости, его любовь помогала ему переносить все тяготы.

На работе он уже освоился, он хорошо изучил график движения состава, всегда вовремя успевал открыть тяжелые ворота: они действительно оказались очень тяжелыми, за смену Натан так уставал, что, придя домой, сразу ложился спать под тёплое одеяло. Хая очень хотела накормить его, но видя, что он спит, только укрывала его потеплее. После сна Натан ужинал, Хая делала ему укол: у Натана на следующий день был выходной, он работал сутки через сутки,

это при его болезни был очень жесткий график, поэтому он выписал Хае пропуск на шахту, и она приходила к нему с «тормозком» и делала укол, чтобы не обострилась его болезнь. Хая очень огорчалась, что у Натана такая тяжелая работа, но другой не было. Дора тоже уставала на работе, но молодость всё-таки брала своё: за ночь она хорошо отдыхала и утром, позавтракав, шла снова на тот монтажный участок, где она работала. Соня привыкла к своей работе: коллектив был дружный, когда не было работы, они все вместе обедали и пели песни. У Сони оказался очень красивый голос, она знала много песен на украинском языке и девушки часто просили её спеть, она пела с душой, вспоминая свою жизнь в родном Киеве – мирную жизнь. Жизнь текла размеренно: у каждого были свои дела, которые они с честью выполняли. Дору хвалили на работе, что она не уступает мужчинам, которых очень мало, все были на фронте, а Дора работала так, что из-за неё производство не простаивало. Сонечка работала каждый день, она уставала на работе, и, всегда после работы, ей надо было много горячей воды: казалось, что угольная пыль забралась в каждую пору её красивого тела. Она отпустила длинные волосы, укладывала их красивыми локонами после мытья. «Куколка моя!» – думала Хая. Натан привык к режиму работы и отдыха, тем более, что Хая не забывала его на работе покормить и сделать ему укол. Всё вроде бы было нормально, но была одна печаль: от Хаима давно не было писем. Хая ждала почтальона, как ждут большого счастья, но для неё писем не было. Так шли дни за днями...

Подошел День рождения Сони, ей исполнилось 16 лет. Стали готовить праздничный стол, пригласили гостей, музыканта с аккордеоном. Всё получилось замечательно: ели очень вкусные блюда, приготовленные Хаей, танцевали под музыку аккордеона и пели песни: подружки Сони просили её спеть украинские песни, она была радостной и довольной, не ожидала, что получится такой праздник, пела с большим удовольствием. Была зима, и гулять после праздника никто не решился, холодно. А завтра на работу всем, пора было расходиться по домам. Соня расцеловала Хаю: «Спасибо тебе, мамочка, за твой труд! Ты устроила такой хороший праздник! Как здорово, что ты у нас есть!»

– «На здоровье, любимая моя девочка! Я очень старалась!»

Дора, Натан и Соня помогли Хае навести порядок после праздника, все легли отдыхать. Натан спросил: «Почему ты грустишь, любимая моя? Ведь получился роскошный праздник!» Хая сказала: «Да, праздник для Сонечки удался! А как там наш Хаимчик? Это моя постоянная боль, от него уже 5 месяцев нет писем...»

– «Поэтому ты устраиваешь „сытые пятницы“, чтобы вымолить у Господа спасения нашего сыночка?»

– «Да! Я хожу на рынок, покупаю мясо, овощи, крупы и готовлю много еды: те, у кого нечего есть, приходят ко мне и едят досыта, я искренне и бескорыстно помогаю людям, некоторые не имеют карточек и перебиваются с хлеба на воду, а я могу им немного помочь, один раз в неделю. Здесь нет синагоги, я не могу пойти и помолиться о спасении Хаима, я читаю молитвы дома и устраиваю эти «Сытые пятницы».

– «Какая ты у меня замечательная мать! Наверное, все свои драгоценности уже потратила на продукты?»

– «Это не имеет значения, главное для меня – мой сыночек!»

Натан нежно обнял Хаю, взял её на руки и начал укачивать, чтобы она заснула, а потом уложил её в кровать, тихонько лёг рядом, подставив под ноги табурет. Дни опять пошли за днями, это были серые безрадостные будни, а писем от Хаима так и не было. Хая не теряла надежды увидеть сына живым и здоровым, она продолжала молиться и устраивала «сытые пятницы». Те, кого она кормила, благодарили Хаю и желали ей здоровья: они видели, как оно было ей необходимо, она кормила семью, голодных людей, а сама ела очень мало, у неё не было аппетита, Натан очень просил её сходить к врачу и обследоваться, но Хая отказывалась и гово-

рила: «Ведь ты знаешь, что никакие врачи мне не помогут, моё выжженное сердце постоянно болит». Она не знала, какое горе её ждёт впереди...

Летним днём, когда все разошлись, а Хая принялась готовить обед и ужин, в дверь их общей большой комнаты постучали и спросили, здесь ли живёт семья Сони. Хая, на ослабевших ногах, вышла к пришедшим людям и спросила: «Что с Соней?» Девушки заплакали и сказали: «Беда случилась: Соня осталась без ног». Хая мертвенно побледнела, начала оседать по косяку двери и потеряла сознание. Девушки послали за доктором, чтобы оказать помощь Хае, они растерялись: совсем недавно они пережили такой шок, когда увидели, что ноги Сони лежат под вагоном, а сама она сидит и смотрит на свои ноги. Это продолжалось несколько минут, видимо, от болевого шока Соня не потеряла сразу сознание. Когда приехала «Скорая помощь», Соня была без сознания, она лежала на насыпи рядом с железной дорогой, паровоз с вагонами ушел на территорию шахты, а ноги Сони лежали на путях между рельсами – это был ужас, такое девушки увидели впервые. Когда Соню увезли в больницу, они всей бригадой пошли к родителям Сони. Скоро пришла женщина – врач, сделала Хае укол, дала нашатыря, привела её в чувство. Первыми словами Хаи были: «Соня жи-ва?»

– «Да-да-да, – зашебетали девушки, – Её отвезли на „Скорой помощи“ в хирургическое отделение центральной больницы».

Хая не всё понимала, что ей говорят, девушкам было понятно её состояние, и они решили, что проводят её до больницы. Они вереницей шли с опущенными головами, говорили между собой шепотом: им было очень жаль Соню, такую молодую, красивую и жизнерадостную певунью. Когда они пришли, Хая пошла искать, где находится Соня. А девушкам надо было возвращаться на работу: скоро должен прийти новый состав и, если они опоздают, то по законам военного времени их могут привлечь к суду, сочтя их отсутствие, как саботаж. Хая прошла к главному хирургу. Спросила его о Соне. Он сказал: «Идёт операция, сколько она продлится – не известно, но надо надеяться на то, что Соня молода и её вовремя доставили в больницу, так что она не много потеряла крови, а если и понадобится, то у нас есть банк крови и ей сделают переливание, будем надеяться на лучшее». Хая слушала слова врача как будто через какую-то мембрану, в ушах стоял звон, она едва держалась на ногах. Доктор усадил её на скамейку рядом с операционной, дал выпить успокоительных капелек и ободрил её. Врач дал ей и стакан воды, а сам пошел по своим делам...

Время тянулось очень медленно, Хае казалось, что она ждёт целую вечность: вдруг засуетились медсестры, они бегали с какими-то мешочками, пузырьками, Хае стало совсем тревожно – они ничего ей не говорили, а эта неизвестность угнетала. Хая молила Господа об одном, чтобы её красавица Сонечка осталась жить. Ей ещё предстоял разговор с Натаном: она не представляла, как сказать ему о горе, вновь постигшем их семью. Хая проговаривала про себя слова молитвы из Талмуда, молила Господа о помощи своей дочери, которая сейчас находилась на волоске от смерти.

В операционной стало поспокойнее, не было слышно криков врачей на медсестёр, чтобы те пошевеливались. Хая молча сидела в коридоре и ждала своей участи. Через некоторое время вышли хирурги, делавшие операцию. Хая дрожащим голосом спросила: «Соня жива?» Ей ответил один из них: «Операция прошла успешно, но гарантий никто дать не может – мы не Боги, что могли – сделали, теперь надо ждать, когда она выйдет из наркоза». Они были такими уставшими, но каждый из них всё-таки подошел к ней и сказал: «Держитесь, мамаша, все трудности у Вашей дочери впереди». Они медленно побрели по коридору в ординаторскую, а Хая продолжала сидеть на лавке. Вдруг в конце коридора она увидела знакомый силуэт: Натан!!! «Боже, дай мне сил, чтобы поддержать его!» Натан быстрым шагом подошел к Хае и сказал: «Как она? Мне на работе рассказали девушки из её бригады о нашей беде, они сказали мне, что ты здесь». Хая рассказала то не многое, что знала, вот теперь она смогла заплакать: рядом был её муж, он всё понимает и поддержит её. Она долго плакала, Натан сходил за успокоитель-

ными каплями, дал их выпить Хая, а сам пошел к главному врачу, чтобы ему сделали укол инсулина: он сегодня был на работе, а Хая была занята. Ни до обеда и инсулина. Да она обо всем забыла после прихода в их дом беды. Натан и Хая сидели рядышком, он снова, как всегда, согревал её холодные руки своим дыханием, Хая при нервных потрясениях всегда холодела, её бил озноб, и Натан старался облегчить её состояние. Они сидели несколько часов, пока медсестра ни сказала им, что Соня очнулась от наркоза: они бегом ринулись к своей доченьке, медсестра едва успела дать им халаты: всё-таки это послеоперационный блок, а посмотреть на Соню они смогут только через стекло большого окна с поста дежурной медсестры. Они были рады и этому: им очень хотелось увидеть свою малышку, так пострадавшую на этом «трудовом фронте». Соня лежала подключенной к каким-то аппаратам, к ней тянулись проводки, на лице была маска, но она лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок, в вену вводили какие-то препараты, она была такая беспомощная и маленькая, что, Хая не выдержала и снова горько заплакала. Только теперь она поняла, почему Соня ей показалась такой маленькой: ведь она осталась без ног...

Соня долго лежала в хирургии: начались осложнения и потребовалась ещё одна операция, Хая смогла достать дорогостоящие препараты, чтобы боли не так сильно мучили Сонечку. Они навещали её часто, ей требовался тщательный уход, поэтому все они по очереди дежурили у неё. На время перевязок их просили выходить из палаты: они и сами бы не выдержали смотреть на эту жуткую процедуру. Соня свыклась со своим положением инвалида, у неё был очень оптимистичный характер – это её спасало в такие трудные дни. Родные очень переживали, как Соня сможет жить в таких условиях, в каких жили они последнее время: без воды, канализации, в перегороженных простынями секциях «семейных» и «детских». Но, когда её выписали, она так поддержала родных своим оптимизмом, что те были поражены. Соня сказала, что надо просто поставить ещё одну кровать и между ними табурет: Дора будет спать одна, сама Соня – тоже, на табурет можно будет ставить тарелку с едой, а на ночь стакан с водой, чтобы Соня никого не беспокоила, если захочет ночью пить. Под табуретом можно было ставить ночной горшок, чтобы Соня в любое время суток могла обходиться без помощи. Она не могла долго сидеть в подушках на кровати – всё время лежать было тоже тяжело, ведь она потеряла обе ноги. Одна была отрезана ниже колена, а другая – чуть выше, поэтому равновесие удерживать было тяжело, но Соня не жаловалась ни на что, она была очень выносливой и надеялась, что, когда будут готовы обещанные ей в больнице протезы, ей будет легче. Хая продолжала устраивать «сытые пятницы». Те, кто у неё обедал, удивлялись: «Как у неё хватает сил и за дочкой – инвалидом ухаживать, и готовить столько еды». А ещё она продолжала, в дни работы Натана, носить ему обед и ставить инсулин. Но ещё одной болью оставалось отсутствие вестей от Хаима. И вот однажды ей принесли «треугольничек», но почерк на нём был не её сыночка. Она боялась открыть его и прочесть, дождалась Натана и вдвоём они раскрыли письмо: Хая лучше знала русский язык, поэтому она начала с осторожностью читать текст письма. Его писала какая-то девушка, она сообщила, что семь месяцев назад их сын Хаим был тяжело ранен и контужен, его с передовой вынесли для того, чтобы похоронить, но, когда Шурочка подошла к нему, чтобы удостовериться, что он действительно погиб, она нащупала пульс и вцепилась в него обеими руками: «Не дам его хоронить – он жив!!!» Остальные медсестры спросили: «Так почему он не слышит, не говорит, не видит, сердце не слышно... Откуда ты взяла, что он жив?» – «Да у него на шее пульс, почему никто из вас не проверил это?» Шурочка взяла над ним шефство: и в свои дежурства и в не частые выходные она уделяла ему особое внимание, ухаживала за ним, как могла. Только через шесть месяцев к нему постепенно возвращалась жизнь: ведь когда их направляли на передовую, то по законам войны все оставляли свои документы в штабе, чтобы никто не знал – кто он и из какой части. А теперь он смог собственноручно, правда очень неразборчиво, написать адрес родителей и как его зовут: к нему начала возвращаться память, но он пока не мог говорить, слышать, поэтому Шурочка поняла

его каракули, как просьбу написать родителям, что она и сделала. Она приободрила Натана и Хаю, пообещала, что теперь она тем более не оставит его без помощи. Пожелала им от себя терпения и здоровья...

Хая и Натан плакали вдвоём над этим дорогим письмом, прочитали его Сонечке, та тоже плакала от радости. Пришла Дора, родители и с ней поделились общей радостью. Все решили, что это надо отметить вкусным ужином. Хая, прежде чем готовить, написала Шурочке благодарственное письмо, пожелала ей много сил и здоровья: ведь ухаживать за больным не просто. Её сердце наряду с болью в связи с бедой, постигшей Соню, переполняла радость: Хаим жив, за ним ухаживает достойная девушка, она не даст Хаима оставить без медицинской помощи, тем более, что последствия контузии понемногу отступают. Она приготовила вкусную курочку, они «накрыли стол» в закутке, где был сектор Сони и Доры, чтобы Сонечке было удобно праздновать вместе со всеми. На следующий день Хая приготовила опять много еды – приближалась «сытая пятница»: еда была особенная, праздничная и она со всеми, кто приходил к ней пообедать, делилась своей радостью, эту радость с ней делили все, от чистого сердца, желая, чтобы она увидела своего сына, как можно скорее. Все считали, что после такого тяжелого состояния, прежде чем отправить его обратно в действующую армию, ему должны предоставить отпуск, они искренне желали этого. Хая, с удовольствием, приготовила «тормозок» и лекарство для Натана и отправилась, как всегда, покормить его и сделать укол. Она проверила, прежде чем уйти, не надо ли чего Сонечке, та ответила, что справится со всем сама и проводила маму хорошим напутствием. Так снова дни шли за днями, Натан и Дора работали, они получали продуктовые карточки, а Соне оформлялась инвалидность, чтобы она тоже могла получать средства для существования. Никакого расследования по факту травмирования Сони не было проведено, но девочки из бригады настаивали, чтобы наказали машиниста паровоза, который поторопился с проверкой сцепки вагонов, не убедившись в том, что под вагонами никого нет: они считали это самой большой виной.

Всё произошло так: Соня чистила пути под вагонами вместе со всеми, переходя от вагона к вагону. Когда ей достался вагон прямо рядом с паровозом, она старалась поскорее справиться с очисткой пути, когда она закончила работу, то начала боком вылезать из-под вагона и сказала: «Уф, управилась!». Половина её тела находилась ещё под вагоном, но машинист не проверил, вылезла ли она полностью из-под вагона, и он решил проверить сцепку, всего лишь одно движение колёс туда и обратно, этого хватило, чтобы Соня лишилась ног: такая трагическая «случайность», так сочли члены созданной комиссии по этому случаю. Машинист продолжал водить составы туда, в шахту, и обратно на секретное предприятие. Натан, как всегда, работал сутками. В своё свободное время он старался побыть рядом с Соней, её часто мучали фантомные боли, болели не существующие части ног. Иногда её мучил сильный зуд, но почесать было нечего – это так реагировала нервная система, Натан обратился к врачу, как можно уменьшить такое состояние, но тот смог выписать успокоительное для Сони и сказал: «Это будет продолжаться всю оставшуюся жизнь!» Натан с грустью принял это заключение врача, он не мог больше ничем помочь своей девочке. Через два месяца от Хаима пришло письмо с фотографией: на ней было написано, что эта девушка – Шурочка, будет его женой, они подали начальнику штаба фронта заявление на регистрацию их брака. Натану и Хае очень понравилась фотография: их сын был практически лысым, а в армию он уходил с пышной шевелюрой, но после перенесённой контузии у него остался только небольшой венчик волос на затылке. Он был очень худой, но такой же родной, как раньше, а Шурочка была очень симпатичной – это была крепкая на вид девушка с прекрасной фигурой. Хаим уже мог писать сам и часто писал родителям. Натан и Хая решили не сообщать ему о беде, случившейся с Соней, о том, что пятерых малышей он больше никогда не увидит: они не хотели расстраивать Хаима. Они ему писали добрые письма, написали, что благословляют его брак с Шурочкой. Для него это было важным! В очередном письме Хаим сообщал, что их брак зарегистрирован, Шурочку

вписали в его военный билет, им выдали отдельную маленькую семейную палатку, в которой они жили вдвоём. Часто Хаим выходил на разминирование перед наступлением: его военно – учётная специальность сапёр – минёр, а, как известно: сапёр – минёр ошибается однажды. Поэтому перед заданием они прощались с Шурочкой очень нежно, в любой момент прощание могло быть последним. Шурочка была беременна, формировалась автоколонна, чтобы вывезти тяжело раненых и в том числе беременную женщину – Шурочку в тыл, чтобы она в спокойной обстановке смогла родить ребёночка. Когда сформировали эту автоколонну, Хаим и Шурочка попрощались, пожелав друг другу выжить: война продолжалась, а всех, кто в этом нуждался, приготовили к отправке. Хаим помог Шурочке забраться в кузов машины, неожиданно прилетели фашистские самолёты и начали бомбить колонну. Многие раненые погибли от осколков, усугубивших ранения, а у Шурочки осколком «вспорол» живот. Хаим бережно снял её с машины, когда самолёты отбомбились, кричал врачам, чтобы оказали ей помощь, Шурочка крепко сжимала окровавленные руки на животе, как бы пытаясь соединить края раны и сохранить новую жизнь, которую она вынашивала, но Шурочка – медработник, будучи в сознании, тихим слабым голосом прошептала: «Прощай, мой любимый! Я умираю, так жалко нашего малыша – осколок попал прямо в живот, малыш уже погиб... А ты береги себя, ты должен жить, прощай!» Она умерла на руках Хаима. Он плакал над своей любимой и над погибшим малышом, он знал, что теперь он должен отомстить за свою фронтовую семью. Шурочку с малышом, убитых бойцов, бывших раненных, похоронили в большой братской могиле: поставили деревянный памятник, на нём были все фамилии погибших бойцов.

Наша Армия продолжала освобождать новые населённые пункты, у Хаима было много работы: он участвовал в разминировании каждого здания, отбитого у фашистов, он не испытывал страха, перед его глазами была умирающая Шурочка с их малышом и её слова: «Ты должен жить!» Когда не было работы по разминированию, ему доверяли полевую передвижную кухню, он возил первое и второе блюда на прифронтовую территорию. Это была очень опасная обязанность, потому что у него в тылу могли оставаться укрывшиеся от наступления наших войск фашисты. Однажды он услышал свист пули над головой, он подгонял кнутом лошадь, запряжённую в повозку с термосами для пищи, когда он отъехал от обстрела на достаточное расстояние, он остановился, чтобы осмотреть термоса, в каком они состоянии. На уровне его спины в термосе зияла дыра, но второй слой не был пробит, суп не вытекал, значит на этот раз термос спас ему жизнь и его добрая послушная лошадка. Он отправился дальше: надо было кормить солдат на передовой. Его радостно встретили бойцы: они слышали, что за спиной идёт стрельба, беспокоились, что пообедать сегодня не удастся. Такие поручения Хаим выполнял очень редко, в основном – минировал и разминировал поля и сооружения, мосты и переправы, он хорошо изучил фашистские мины, а они были с различными секретами и методами подрыва. Таковы были его «будни» войны: ведь он был призван в Армию ещё до начала войны, поэтому в самые первые дни он был уже в действующих войсках. Он устал воевать, часто приходилось на передовой во время наступления становиться в артиллерийском расчёте: он был и заряжающим, и наводчиком. В одном из наступлений, Хаима и его двоих товарищей – артиллеристов, оставили без команды покинуть занятую позицию, а они видели, что приближается атака фашистских танков. Весь боевой запас был израсходован, они сидели рядом со своей никчёмной пушечкой в небольшом окопчике, отступать было нельзя – приказа не было. Они стали ждать своей смерти от наступающих танков. Окопчик был настолько мал, что спиной к танкам сидел Хаим и его друг – молдаванин, а напротив них, лицом к надвигающейся армаде сидел командир взвода. Наши начали артподготовку, земля содрогалась от падающих снарядов, было очень страшно, но страшнее получить пулю от своих, которые были сзади, а их окопчик клином был на переднем крае. Перед окопами были установлены металлические «ежи». Во время нашей артподготовки их окопчик перекрыл такой «еж», его засыпало большими комьями вывощенной земли. Но танки шли сплошной линией, в таком положении выжить было бы чудом.

Во время артподготовки их контузило близкими взрывами, из ушей и носа шла кровь, в ушах стоял звон, они не могли даже говорить друг с другом. Танки начали «расчищать» выстрелами себе путь, Хаим посмотрел на командира взвода и удивился: у того волосы стали седыми: он видел надвигающиеся танки. Когда танки обстреливали их окопы, осколок снаряда попал в позвоночник Хаима, но он узнал об этом только в госпитале от Шурочки, которая не дала его живого похоронить. Они вдвоём с другом – молдаванином остались в живых, «еж» спас им жизнь, иначе танки просто раздавили бы их. Эти воспоминания пришли только тогда, когда Хаим начал обретать органы чувств, ведь из всех признаков жизни у него оставалось только работающее сердце. Эти воспоминания бередили его душу: у него на руках умерла та женщина, которая спасла ему Жизнь. Теперь ему надо воевать за троих: за Шурочку, за малыша и за себя. Он часто писал домой письма, но ни слова о Шурочке и не родившемся ребёночке, не хотел расстраивать родных.

В Березниках Дора и Натан работали, как всегда. Дора уже привыкла к такой тяжелой работе. Она даже иногда по выходным ходила в город (они жили на окраине) на танцевальную площадку, правда об этом она предупреждала только родителей, чтобы Сонечка не испытывала своей ущербности: протезы ей заказали в областном госпитале, но ждать их придётся долго. С фронта приходило много бойцов, потерявших на фронте ноги, руки, им были необходимы протезы, поэтому на получение была большая очередь. Натан тоже привык работать по сменам, он никогда не забывал свою Хаечку и красавицу Сонечку, которая осталась без ног. Он с болью в сердце заходил в сектор «детский», разговаривал с Сонечкой, приносил ей новые книги, которые он брал в библиотеке при шахте. Соня много читала, за текстом она забывалась, вникая в сюжет книг, ей это очень нравилось. Хая готовила пищу, ходила на рынок и отоваривала карточки в пунктах выдачи продуктов: это были мизерные количества. Сонечке тоже дали карточки, но на них можно получить в два раза меньше продуктов – это была не рабочая карточка, а карточка инвалида, а ведь она стала инвалидом на работе, даже не на простой работе, а на «трудовом фронте». Хая считала это несправедливым. Но ходить по инстанциям никто из них не хотел, там сидели одни бюрократы, и их было не пронять никакой бедой. Дора на танцах познакомилась с очень приличным мужчиной: он так умело танцевал и держал партнёршу, что в его руках Дора была защищена и спокойна. Он даже провожал её до «дома», по дороге они рассказывали друг другу о себе, им было интересно вместе. Его звали Исаак, он был беглым румыном: ещё до оккупации Румынии фашистами он проник через границу и бежал подальше от фронта – он не был трусом, он просто не хотел воевать против СССР.

Его документы долго проверяли, всё это время держали в спец. заведении, где находились и поволжские немцы, которых во время начала войны репатриировали из-под Энгельса, но бежали они налегке, им ничего не дали вывезти, только то, что смогли унести в руках. Когда пришло решение о том, что Исаак не опасен нашей Стране, его выпустили «на вольные хлеба». Он был грамотным человеком, получил очень престижное образование в Румынии, это ему пригодилось при устройстве на работу. Он оказался незаменимым начальником отдела труда и зарплаты. У Доры не было никакого образования, она рассказывала ему о болезни отца, о том, что надо было зарабатывать деньги на лекарства папе, она так нежно говорила о нём, что Исаак понял, какая она добрая девушка. Через некоторое время Исаак попросил познакомить его с родителями Доры лично. Он хотел попросить руки её у родителей так, как положено. Он всегда одевался элегантно, как это ему удавалось, оставалось тайной. Он был несколько старше Доры, но им было хорошо вместе, они понимали друг друга – это самое главное. Исаак пришел в их убогое жилище настоящим королём: на нем был красивый светлый пиджак, тёмные брюки, коричневые туфли и белоснежная сорочка с галстуком. Натан и Хая радушно приняли его, он рассказал им о себе, о том, что он очень любит Дору и хотел бы сделать её счастливой. Он вынул из кармана бархатную коробочку и спросил у Доры: «Ты выйдешь за меня замуж?» Дора зарделась от неожиданности: он говорил ей только познакомить его

с родителями и ни слова о замужестве. Натан и Хая радостно смотрели на неё, а она смотрела на родителей и ждала их поддержки. Они оба улыбались и наклонили головы в знак согласия. Исаак надел перстень на палец Доры и сказал: «Теперь мы с тобой обручены! Будем готовиться к свадьбе?» «Да, Исаак!» Соня не могла видеть этого сватовства, она была в «детском отсеке» и плакала от радости за сестру. «Может и ко мне когда-то придёт такой же добрый человек и попросит выйти за него замуж» – думала она. Свадьбу назначили на осень. Хая помогала Доре готовить приданное, оно не было таким роскошным, как у самой Хаи – времена были голодные и суровые, не до роскоши.

В один из осенних дней Натан как всегда пошел на работу, Хая, по заведенному порядку, отнесла ему обед, сделала укол. Через день, когда смена Натана уже закончилась, пришла его сменщица, она так просила Натана задержаться до прихода состава и запустить его на территорию, потому что ей срочно надо было забрать у дочери внука: ту неожиданно вызвали на работу, а ребёнка не с кем было оставить. Натан очень устал за эту смену, но женщина так умоляла его помочь ей, что Натан согласился задержаться. Поблагодарив Натана, женщина бегом побежала за внуком. Приближалось время прихода состава, Натан открыл замок на воротах, решил отодвинуть одну створку на небольшое расстояние, чтобы быстрее пропустить состав, но створка ворот застряла на половине между рельсами и не двигалась дальше: поднять эту тяжелую чугунную створку Натан не мог, а состав уже приближался. Натан открыл вторую половину, а первая так и оставалась на рельсах: паровоз, спешивший на шахту, не оставиваясь всей своей массой ударил по створке, за которой стоял Натан: он почувствовал очень сильный удар, по всему туловищу разливалась смертельная боль, он понял, что это его последние минуты на этом свете. Он рухнул рядом с воротами. Прибежала сменщица со своим внуком, она увидела Натана, подошла к нему, но он уже не дышал...

К Хае боялись идти с таким чудовищным известием, нашли несколько человек, которые вызвали машину и увезли Натана в Гор больницу в морг. Оттуда они же пошли к Хае. Она, увидев их лица, поняла, что случилась беда, ещё одна беда в их и так поредевшей семье, она ничего не спрашивала, пришедшие шахтёры рассказали ей, что случилось с Натаном. Хая смотрела на них и не видела, она слушала их и не слышала, она ничего не чувствовала: она умерла вместе со своим любимым мужем. Те, кто пришел, растерялись, глядя на неё и не знали, что им делать, они молча по одному выходили из комнаты, сминая в руках свои фуражки, некоторые, кто близко знал Натана, вынимали платки из карманов и вытирали дорогие мужские слёзы: им было искренне жаль и Натана, и Хаю. Как будет жить теперь эта женщина с дочерью – инвалидом, одна надежда, это её сын, но война ещё не закончилась и не известно, вернётся ли он живым и здоровым. Хая долго не заходила в «детский сектор» комнаты, она не могла найти слова, чтобы сказать Сонечке, что её папы, которого она так любила, больше нет. Когда пришла Дора, Хая сидела в своей «комнате» и молчала. Дора не узнала свою маму: голова её стала совсем седой, на лице была печать такого глубокого горя, что Дора боялась спросить её: «Кто?» Она осмотрелась и увидела, что нет вещей отца, а он сегодня должен был прийти со смены, и Дора всё поняла, она так запричитала, говорила какие-то слова, но это горе нельзя выразить словами. Хая сидела окаменевшая, она не могла произнести ни слова, как будто боялась разбудить Натана: «Он ведь пришел с работы, очень устал и лёг спать, надо тихо себя вести, чтобы не потревожить его сон». Хая сама была как будто во сне и всё это происходило не с ней. Она покрыла голову платком, положила на колени талмуд и стала читать молитвы, раскачиваясь из стороны в сторону, она долго так сидела и читала, а Дора села рядом с ней, обняла её, и они вдвоём раскачивались, как единое целое: их объединяла случившаяся беда. На опознание Натана Хаю не пригласили: те, кто привёз его тело, подтвердили, что это Натан. По всем канонам религии, Натана надлежало захоронить в тот же день, в той одежде, в какой он погиб. Был выполнен обряд очищения и омовения: это был очень сложный обряд, а синагоги в этом городе не было, еле-еле собрали несколько мужчин, чтобы они под руковод-

ством Исаака (а он знал, как это осуществляется – он был из семьи румынских евреев) делали всё, что надлежало выполнить. Все мелочи были учтены, чтобы Натан предстал перед Господом чистым – при жизни он был очень добропорядочным семьянином, делил с Хаяй все беды и ожидания. Исаак и несколько мужчин после церемонии прощания с семьёй вынесли гроб, покрытый чёрной тканью, ногами покойного вперёд, как того требовала церемония, поставили гроб на машину и повезли его для погребения. До того, как Натана увезли, Хая была, как в угаре: все события с трудом воспринимала, только когда, не закрытый на уровне головы Натана, гроб поставили для прощания, она увидела белое лицо её Натана. Она начала понимать, что это последние мгновения, когда она видит своего любимого мужа. Её охватила волна рыданий, она обнимала гроб и молила Господа принять её мужа, благодарила Натана за его Любовь к ней и просила, сквозь слёзы, прощения за то, что она не почувствовала приближения такой беды. Она должна была это предвидеть, уберечь его, но... на всё воля Господа. Дора и Соня тоже плакали и просили прощения у папы: женщин на кладбище по обычаю не брали, поэтому они остались втроём, сидели и оплакивали Натана. Во время омовения тела Натана они, как и положено по обычаю, сделали разрывы верхних одежд: Хая – длиной 10см, девочки сделали разрывы с левой стороны верхней одежды. Они прикрыли эти разрывы и ходили с ними 7 дней – так было указано в церемонии. Исаак ещё до захода солнца приехал с кладбища и рассказал, где погребён Натан: поскольку в городе не было отдельного еврейского кладбища, его разрешили похоронить у заборчика, не далеко от входа. Он сказал Доре, что со свадьбой надо будет повременить, он не отказывается от своего предложения – может, это было и некстати, но он должен был хоть как-то поддержать Дору. От Хаима приходили письма, но Хая не сообщала ему о том, что у него нет больше любимшего его отца. Когда образовали комиссию по расследованию гибели Натана, оказалось, что тот же самый машинист паровоза, который лишил Соню ног, был и в этот раз на паровозе, которым зашибли до смерти Натана: такое трагическое совпадение...

Жизнь продолжалась, но Хае было так пусто без Натана, она привыкла о нём заботиться, это был четвёртый её ребёнок и вот теперь его больше нет. Все заботы сосредоточились на Сонечке, она старалась снабжать её из той же библиотеки, что и раньше делал Натан, новыми книгами, чтобы как-то отвлечь её от горестных мыслей. Дора продолжала работать, но делала это как-то механически, она никогда не задерживала сварщика отсутствием баллонов, но у неё уже не было того задора, с каким она делала это раньше: она за несколько дней повзрослела на несколько лет. Очередь на протезы для Сони никак не подходила, а ей так хотелось «встать» на ноги, она устала лежать в кровати без движения. Выручали только книги, тогда её мысли уносились в сюжет описываемых событий, она жила «чужой» жизнью.

Исаак часто навещал их, помогал делать по дому мужскую работу: а её было достаточно – раньше это делал глава семьи, но теперь его нет, а беззащитные женщины, одна из которых беспомощный инвалид, нуждались в его поддержке. Хая начала ходить на рынок, знакомые не узнавали её, так она состарилась и сгорбилась, как древняя старушка. Она по привычке покупала продукты, а продавцы, не торгуясь, отдавали их ей по той цене, которую она называла. Она по привычке через день собирала «тормозок», но, вспомнив, что идти некуда, она выходила на улицу и отдавала первому встречному ребёнку этот свёрток с едой: он с удивлением смотрел на неё: «Это мне? Спасибо, бабушка!» Бабушка... думала Хая, а ведь у неё ещё нет внуков и ей всего 48 лет. Она кормила Сонечку, перестилала ей постель, поправляла подушки, выносила ночной горшок – всё это она делала чисто механически, просто зная, что больше ухаживать за Сонечкой некому: Дора приходила с работы уставшая и грустная, перекусив и поблагодарив мамочку за ужин, она ложилась спать. Хая обычно быстро засыпала: Натан шептал ей разные ласковые слова, иногда укачивал её на руках, а теперь она долго лежала с открытыми глазами и ждала, когда придёт сон.

Она засыпала под утро, вставала обессиленная, как будто она всю ночь работала, а не спала. Дору надо было проводить на работу, покормить завтраком Сонечку, предварительно проведя утренний моцион. За делами она немного забывалась, надо было принести воды, накипятить её и постирать гору белья: мыла не было, стирали щелоком, который разъедал руки, но ничего не поделаешь: Сонечке необходимы были чистые широкие бинты из проглаженной ткани, чистая простынка, ведь она целыми днями находилась в кровати. Потом она принималась за приготовление еды, она всегда старалась из ничего приготовить очень вкусные вещи, всем её «стряпня» нравилась, это было так приятно слышать, при этом усталость уходила. Так шли дни за днями. Иногда она отвечала на письма Хаима, горько было лгать ему, но и расстраивать тоже не хотелось: он не знал, что его сестра осталась без ног в 16 лет, что из семи её малышей остались в живых только Дора и Соня, что его папы тоже нет на земле. Она орошала эти письма слезами, боясь, что текст расплывётся и Хаим узнает, что она плакала – письма она писала карандашом. От письма до письма она жила ожиданием. Пришла зима, она часто ездила на могилку к Натану, подолгу рассказывала, как они живут, как справляются со всеми трудностями, как Исаак помогает ей по хозяйству: такой добрый парнишка, лишь бы у него с Дорой всё сложилось удачно. Так, «поговорив» с Натаном, ей становилось легче, она добиралась до своего барака и продолжала свои неотложные дела. Пришло извещение из областного госпиталя, что Сонечке надо туда приехать, чтобы по её меркам изготовили протезы, это предполагалось делом не скорым: им сообщили, что проживание и питание будет в госпитале бесплатным, а за протезы надо будет заплатить часть их стоимости. Хая растерялась, получив это извещение: как она одна в дороге справится со всеми проблемами. Она попросила Исаака помочь ей отвезти Сонечку в госпиталь, сможет ли он взять отпуск на работе? Исаак договорился с начальниками, рассказав им о сложившейся ситуации. Они дали ему отпуск на неделю: «Но не больше! Скоро закрывать наряды всему монтажному участку, а эту работу никто за тебя не сделает!» Исаак пошел к Хае сказать, что можно собираться в дорогу. Они купили билеты на поезд, Дора проводила их до вагона и побежала на работу, пожелав удачи. Поезд довёз их до Молотова, там по адресу, указанному на конверте, они нашли госпиталь. Оформили все документы, донесли Сонечку до палаты, палата была не большая, но с удобствами: здесь лежали инвалиды, им были созданы условия для длительного проживания, пока ни сделают протезы. Ждать придётся несколько месяцев, но Хая оставляла Сонечку здесь с лёгким сердцем: здесь у неё будут такие хорошие условия, не то, что в их бараке. Она дала Сонечке несколько карточек, чтобы та могла расплатиться за протезы, чтобы могла что-то купить, если захочется, ведь они не могли здесь с ней остаться. Попрощавшись с Сонечкой, они с Исааком поехали в Березники: он должен был успеть на работу. Теперь Хая ждала писем от Хаима и Сонечки, и за обоих у неё болела душа. Хаим писал, что у него всё нормально, чтобы не беспокоились о нём, наши войска наступают и освобождают город за городом, а о том, что у него прибавилось работы по разминированию этих городов, он, естественно, им не писал.

Наступила весна. Соня часто писала им с Дорой, она писала, что протезы ещё не готовы, это оказалось таким сложным производством, а мастера были в основном на фронте, поэтому весь этот процесс длился так долго. Хая, как могла, утешала Сонечку, напоминая, что она сейчас живёт в чистоте и тепле, а у них в бараке очень холодно, на дворе весна, но бараки продувались насквозь, ничего не помогало: все жители по очереди ходили на кухню к печке погреться. Дора с Исааком продолжали встречаться, скоро лето и им можно будет пожениться через несколько месяцев. Хаим писал, что до конца войны осталось совсем не много. Соня в конце апреля сообщила, что протезы ей сделали, и она может ехать домой. Хая снова попросила Исаака съездить с ней за Сонечкой в Молотов. Он опять отпросился у начальства, и они с Хаей поехали забирать Сонечку. Когда они прошли в палату, Соня училась «ходить» в протезах, видно было, что они очень тяжелые, и она едва передвигала «ноги». Хая, увидев такую

картину, заплакала из жалости к своей искалеченной девочке: такая молодая, красивая, нежная и такая участь её постигла...

Соня успокаивала маму, она не понимала, почему мама плачет. «Я очень соскучилась по тебе, дорогая моя, вот и плачу!» Они поблагодарили обслуживающий персонал, врачей госпиталя, те предупредили, что они не прощаются, теперь Соня – их постоянный клиент, потому что такие протезы очень недолговечны, их надо будет периодически менять на новые. Может к этому времени что-то придумают другое и протезы будут полегче. Хая ещё раз поблагодарила всех и они, поддерживая Сонечку под руки, поехали на вокзал. В поезде Соня отстегнула протезы, чтобы немного отдохнуть: Хая увидела её стёртые до крови плечи-протезы, крепились на ремнях, у неё заболело сердце: «Бедная моя девочка, тебе очень больно? Как можно тебе помочь?» «Ничего, я просто продезинфицирую ссадины и присыплю их специальным порошком, мне дали его в госпитале, а когда он закончится, у меня есть рецепт, закажем в аптеке, из всякого положения есть выход, мамочка, всё будет хорошо!» Хая удивлялась, что эта малышка утешает её, какая она терпеливая, такие раны на плечах, а она меня успокаивает. Исаак, когда Сонечка снимала протезы, выходил в коридор и не видел этих израненных ремнями плеч. Когда они добрались до «дома», там их ждала Дора, сёстры встретились радостно, они обе соскучились, несмотря на то, что в отсутствие Сони, Дора была одна в своей «детской» комнате, теперь Дора снова будет помогать сестре, чем может. Соня «прошла» в свой сектор, села на кровать, сняла протезы и поставила их в торце кровати: они занимали так много места, протезы были очень громоздкими и тяжелыми, Дора удивлялась, как Сонечка будет в них ходить. Но Соня очень старалась учиться ходить по коридору барака, она доходила до кухни и там, чем могла, помогала маме в приготовлении еды. Хая была рада, что Соня не замкнулась, не стеснялась своей беспомощности, единственно, что ей очень хотелось – посетить могилку папочки, но Хая отговаривала её: «Пусть до конца растает снег, чтобы было удобно пройти до папиного вечного пристанища, тем более, что он лежит рядом со входом». Соню убедили слова мамы, она иногда выходила на улицу подышать свежим воздухом: Хая поддерживала её, выносила табурет, усаживала Сонечку под окном, чтобы её было видно, и она вовремя могла постучать, когда «надышится». От Хаима приходили письма, что война подходит к завершению, по «фронтovому телеграфу» говорили, что до Берлина осталось несколько десятков километров и конец войне. Хая, с замиранием сердца, получала его письма и в первую очередь обращала внимание на то, кем написан их адрес. Слава Господу – это были письма Хаимчика, её любимого сыночка, которого она с нетерпением ждала.

9-го мая 1945 года большой громкоговоритель – тарелка, как его называли в народе, сообщил, что война закончилась, фашисты были повержены, а на здании Рейхстага водрузили наше красное знамя!!! Из уст в уста эта новость распространялась по городу, многие плакали от радости, что, возможно, вернутся их мужья, братья и сёстры. Хая ожидала возвращения своего первенца, но через 3 недели пришло письмо от Хаима, в нём он сообщил ей, что для него война не закончилась. Со взятием Берлина, их полк, со всей военной техникой, погрузили в состав и куда-то отправили, так что для него война продолжится, к сожалению. Но он просил Хаю не беспокоиться: «Раз я прошел такой ад и остался в живых – это чудо, давайте надеяться, что твои, мамочка, молитвы спасут меня и в предстоящих боевых действиях». Хая не стала плакать: «Что-ж, я долго ждала, подожду ещё!» Она, как всегда надела на голову платок и стала читать молитвы о спасении её сына – Хаима. А состав, в котором везли полк Хаима, направлялся на восток: многие видели города, которые они проезжали и все поняли, что их везут на Дальний восток, там стояли в боевой готовности наши войска практически всю войну, чтобы упредить удар японской Армии в их тыл. Состав шел долго, но запасов провизии у них было достаточно, их сытно кормили. Когда паровозы заправлялись в очередной раз, солдатам и офицерам разрешалось выходить из вагонов, чтобы размяться, осмотреться: они ехали через лесную часть Сибири, пересекали реки, природа расцветала от одной остановки

до другой, было очень красиво. Но все понимали, что их везут не на экскурсию, а на передовую: снова война, только с другим врагом, тоже неизвестным, как в своё время фашизм. Но страха не было, они почему-то думали, что уж здесь-то их пуля не настигнет, но как они ошибались: по прибытии к пункту назначения всем было приказано копать и устраивать землянки и окопы. Значит, воевать придётся долго.

Это было начало лета, расцветали очень красивые цветы багульника, солдаты и офицеры собирали букеты и дарили их медсестричкам, которые тоже ехали в их эшелоне. Без них на войне никак – они за свою боевую службу спасли и вытащили с поля боя столько раненых, жизнь всех бойцов зависела от этих хрупких женских рук. Хаим знал многих из этих сестричек: они были подругами Шурочки. Он тоже иногда собирал цветы, но руки не поднимались, чтобы вручить их одной из них: болела душа, ныло сердце, в голове была одна картина умирающей Шурочки. Говорят, время лечит всё, но такое невозможно излечить временем.

Война с Японией была совсем иной, чем с Германией. Во-первых, здесь, на Дальнем востоке, на границе с Японией, были сосредоточены несколько танковых армий – таких танков во время войны с Германией не было, это были более мощные машины. Когда они шли в наступление, земля гудела, весь вид таких мощных танков внушал страх японцам, но их, чтобы они не смогли отступить и бросить свои позиции, приковывали в ДЗОТ-ах, рядом с ящиками со снарядами. Они оставались там, пока не расстреливали свой боезапас, а потом они или стреляли в голову, или наши войска их брали в плен, но таких было очень мало. В этой войне принимали участие лётчики – камикадзе, они успевали отбомбиться, прежде чем погибнуть: такие в плен не сдавались. По мнению Хаима, это была совсем другая война, но и на ней мы несли потери: главное было то, что, пройдя всю войну с Германией, после Победы, сложить голову или остаться калекой – вот что было обидно. В начале осени 45 года эта война закончилась победой наших войск, но о демобилизации пока речи не шло. Войска по-прежнему были в полной боевой готовности. А как устали ребяташки воевать, им очень хотелось домой, в свои города, деревеньки, посёлки – они так давно не виделись с близкими, так соскучились...

Но только в 20-ых числах мая 46-го года им объявили о демобилизации. Сколько было радости, даже те, кто был ранен на Японской войне, искренне радовались, что смогут увидеть своих родных, а то, что они ранены, это не важно: дома и стены помогают. Теперь эшелоны шли с радостными пассажирами на Запад, домой. Там, где кто-то по пути доезжал до своей станции, устраивали настоящие проводы: ведь они столько пережили вместе. Когда эшелон дошел до Молотова, Хаим простился по-дружески со своими и вышел, чтобы пересесть на поезд до Березников: он решил не сообщать о своём возвращении, чтобы не доставлять лишних хлопот при встрече своим родным. Ему казалось, что поезд идёт слишком медленно, он останавливался на каждой маленькой станции, а Хаиму очень хотелось быстрее увидеть и обнять свою большую семью. Вот он и в Березниках, спросив, как найти адрес с конверта, ему прохожий показал, куда надо идти. Хаим быстро дошел до барака, в котором жила его семья. Он прошел в коридор и стал искать, в какой же комнате живёт его семья. Хая шла на встречу по коридору, но он не узнал её: извинившись, спросил где живут Хая и Натан с семьёй? «Хаимчик! Это ты, сыночек?» и Хая потеряла сознание. Он вовремя подхватил её, чтобы она не упала. Хая, почувствовав сильные руки, пришла в сознание, открыла глаза и заплакала: это были слёзы радости и боли – ведь Хаиму она ничего не сообщала. А у них в семье произошли ещё изменения, Дора и Исаак поженились, в начале мая у них родился очень хорошенький сыночек, он был таким же красивым, как его родители. Они жили по месту жительства Исаака, Хая часто навещала их, а когда Доре после декретного отпуска надо было выходить на работу, Хая брала его к себе и нянчилась со своим первым внуком, она обо всём этом рассказывала Натану, когда была у него на могилке, ей казалось, что пенье птиц во время её беседы с Натаном, это знак от него, что он всем доволен.

Она обняла Хаимчика и повела в свою «комнату» – «Идём домой, дорогой мой!» «Мама?» – Хаим не поверил своим глазам. Перед ним стояла исхудавшая, седая, сгорбленная старушка, а его мама должна быть ещё довольно молодой... Он повиновался ей и пошел в комнату, перегороденную простынями на отсеки. В одном из них на кровати лежала девушка – инвалид без ног. Он узнал по роскошным локонам, что это его сестрёнка Сонечка, ведь прошло столько лет, она повзрослела и изменилась, но была очень привлекательной. Он с любовью обнял её и заплакал: «Сонечка! Как же так? Мама мне ничего не писала, давно ты так мучаешься?» Соня тоже расплакалась, но это были слёзы радости: её старший брат вернулся живой и здоровый! Она сидела и плакала, когда Хаим спросил: «А где отец, Дора, малыши?» Хая, услышав этот вопрос, тоже заплакала, но не от радости, а от невыносимого воспоминания о своих детях и Натане. «Всё потом, дорогой мой! Пойдём, я тебя накормлю, ты, наверное, соскучился по моей стряпне?» Она повела его на кухню, он ел и нахваливал, как всегда в детстве делал это. Хая не могла насмотреться на своего сыночка, так бы и сидела с ним до конца своих дней. Потом они с Хаимом пошли в «свою» комнату. Там их ожидала Соня, она очень хотела поговорить с братиком, спросить, а где его Шурочка: он пришел один, может его жена захотела повидаться со своими родителями...

Хаим решил сам рассказать о своём горе, он начал свой рассказ с того момента, когда очнулся в прифронтовом госпитале: после той танковой атаки, как оказалось, прошло 3 месяца, так пыталась объяснить ему медсестра. Всё это она написала на листочке бумаги, потому что Хаим не слышал, что ему говорят, и не мог говорить сам. Она спросила у него, написав на том же листочке, как его зовут? Он молча пожал плечами: у него была амнезия после тяжелой контузии. Она продолжала ухаживать за ним. Осколок, который во время танковой атаки попал ему в позвоночник, вытащить хирург отказался – это могло полностью и навсегда его обездвижить. Пока осколок он не беспокоит, можно повременить до тех пор, когда его можно будет перевезти в тыловой большой госпиталь, там есть опытные нейрохирурги, они решат, что можно сделать. Так Хаим пролежал в госпитале около шести месяцев, постепенно обретая те или иные функции. Он был не только благодарен Шурочке, он искренне любил её. Когда он смог это сказать, для неё это был самый прекрасный день. Когда он вспомнил своё имя и адрес родителей, Шурочка написала им то самое письмо. Постепенно он вспомнил некоторые детали того наступления, номер своей части. Ему «выправили» военный билет, за то, что они не оставили свои позиции во время наступления. Ему присвоили звание «Ефрейтор» – это по табелю о рангах было самое младшее звание, но Хаим очень гордился им. Шурочка предложила празднично отметить это радостное событие: она выпросила у старшей медсестры немного спирта, и они с Хаимом, разведя его сладким компотом, выпили за «лычку». Он видел, как нежно Шурочка с ним обращается, его любовь к ней крепла с каждым днём. Он уже практически восстановился, они часто выходили на свежий воздух: для Хаима это было не просто – он столько провёл в лежачем положении. Они на прогулках рассказывали друг другу о своих семьях, Хаим рассказал ей о неземной любви своих родителей, рассказал, что у него большая семья и из Киева они в первый день войны бежали всем семейством. Шурочка рассказала о своей малой Родине – Сибири, откуда она добровольно поступила на курсы медсестер, чтобы помочь бить фашистов и спасти наших раненых: это у неё хорошо получалось, за большое количество спасённых ей бойцов и офицеров, её наградили «Медалью за отвагу». Пока Хаим находился в госпитале, они подали рапорт о регистрации их брака, официально, с записью в документах. Начальнику штаба фронта приказали оформить их брак так, как положено, со всеми формальностями этого Акта гражданского состояния. Для регистрации брака Шурочка из отбеленной марли сшила с помощью подруг белое платье, фату украсили живыми цветами: получился очень хороший наряд невесты! У Хаима было больше проблем со свадебным нарядом: кроме гимнастёрки, галифе и отлично начищенных сапог у него больше ничего не было, но всё-таки регистрация прошла очень торжественно. Все дарили им разные мелкие

сувенирчики на память, но они остались в той разбитой фашистами машине вместе с вещами Шурочки, когда её пытались отправить в тыл. Слушая Хаима, Хая и Соня плакали от сострадания. Пришла Дора за своим сыночком, Хаим сразу узнал её: она всегда была красивой девушкой, но после рождения сына она стала ещё краше. Она так обрадовалась возвращению Хаима: теперь у них в семье появился ещё один мужчина, тем более, что он был мастеровой с молодых лет, мог сделать своими руками и мебель, и всё, что будет необходимо по дому. Дора поняла, что Хаим ещё ничего не знает об утратах в своей семье. Хая, видя замешательство Доры, когда Хаим спросил её о других членах семьи, взяла на себя эту трудную миссию. Она рассказывала Хаиму с первых мгновений начала войны, все решения, которые они приняли с Натаном. Она по отдельности рассказывала о гибели своих малышей, о потере Сары, о том, как Соня лишилась ног и как погиб Натан: она рассказывала и вдруг поняла, что она говорит об этих страшных страницах жизни как будто её это не касается, как будто она рассказывает увиденный ей фильм. Хая сама ужаснулась такому сравнению: ведь это всё пережито лично ей. Она на полуслове замолчала и стала смотреть в одну точку. Хаим, слушая мамин рассказ, плакал: ему было так жалко своего братика и сестричек, он искренне горевал о том, что никогда не увидит доброго взгляда отца, не получит его совета в нужную минуту, он почувствовал себя на половину сиротой, от этого слёзы ещё больше душили его, он рукавом смахивал их, старался, чтобы мама и сёстры не увидели, но Хая продолжала молчать и неподвижно сидеть на кровати. Он взял её руки в свои и, как когда-то отец, стал отогревать её ладони своим дыханием: руки были очень холодными и подрагивали, он целовал их и говорил: «Мамочка! Сколько горя выпало на твои плечи! Но нам с тобой надо жить: у нас Соня нуждается в помощи, Доре тоже надо помогать – Жизнь продолжается, мамочка!» После этих слов и оттого, что он, как Натан, пытался согреть её руки, Хая дала волю слезам: она как будто начала оттаивать после длительного нервного холода. Она долго плакала, Дора, поблагодарив маму, поехала домой – было уже поздно, а ей надо было добраться на другой конец города, а завтра снова на работу. Хая и Соня разместились в «детском» отсеке, а Хаим устроился на ночлег на их с Натаном кровати. Утром он должен был пойти в военкомат и встать там на учёт. Надо было подумать и о работе: у него было 2 месяца отпуска, так что времени на поиски было достаточно. После демобилизации ему выдали немного консервов, сухой паёк, но это была такая малость, а карточек у него не было. Он поделился своими переживаниями с мамой, та успокоила его, что пока они живут вместе, всё наладится, у неё есть ещё кое-какие ценные вещи, если понадобится – обменяет на продукты. «Проживём, дорогой!» Они съездили на могилку Натана на следующий же день, даже Сонечку взяли с собой: дороги уже подсохли, и можно было без препятствия подойти к могилке. «Вот, дорогой мой муж, привела к тебе наших детей: Хаим, слава Господу, здоров (она не знала, что у него в позвоночнике остался неоперабельный осколок), Сонечке изготовили протезы, теперь она смогла „дойти“ до тебя, повидаться и поговорить! Я оставляю вас, поговорите с папочкой!» Хая пошла в сторожку смотрителя кладбища, поговорить насчет того, чтобы он присматривал за могилкой, а уж она в долгу не останется. «Хорошо-хорошо, не беспокойтесь, всё сделаю, как положено, я ведь здесь и живу: дети погибли на фронте, трое, жена от горя умерла, я один остался, уступил свою квартиру репатриированным с Волги немцам, а сам утеплить эту сторожку и живу здесь. Так что Вы, дамочка, не беспокойтесь, присмотрю надлежащим образом!» «Спасибо! Соболезную Вам, у Вас тоже война отняла близких, я Вас очень хорошо понимаю...» Хая вернулась к детям и Натану. «До свидания, любимый! Мы ещё навестим тебя и расскажем, как мы живём, спи спокойно!» Хая и Хаим подхватили под руки Сонечку, чтобы дойти до выхода с кладбища, а там стояла нанятая ими машина. Вернувшись домой, Хая поехала к Доре за внуком – той надо было идти на работу. Дора спросила: «Ну, как там Хаим?» Хая всё рассказала ей и поспешила с внуком домой. Пообедали. Хая уложила ребёнка спать, Хаим пошел в город искать работу и встать на учёт в военкомате. Очень долго Хаим не мог найти работу по специальности: он был первоклассный столяр – краснодерев-

щик, но такие специалисты пока были не нужны. Ему предлагали работу каменщика, бетонщика, монтажника, но с испытательным сроком и специальным обучением. Хаим понимал, что учиться ему некогда, ему необходимо сегодня получать рабочие карточки: у него на плечах семья – мама инвалид – сестра. Дора познакомила его с Исааком. Тот разговорился с ним и сказал: «Нам требуется кладовщик с перспективой роста, может быть, попробуешь?» Хаим спросил: «Когда выходить?» «Вчера!» – пошутил Исаак. Он объяснил, как добраться до их монтажного участка и во сколько надо приехать, чтобы оформиться. Так Хаим стал получать рабочие карточки, с работой он справлялся, очень быстро освоил ассортимент своего склада, всё рассортировал по полочкам, и с выдачей материалов проблем не было. Он часто ездил в трест за материалами, это было нелегко, последствия контузии сказывались: дорога была дальняя, а машина грузовая, с газогенератором, которые в народе называли «чурочными» двигателями. После каждой поездки он приходил домой разбитый, Хая всегда грела к его приходу много горячей воды, чтобы он мог хорошо помыться. Он заходил в комнату к Соне, спрашивал её, как она провела день. Она рассказывала, какую книгу сегодня читала, сколько смогла «погулять» рядом с баракком на табурете. Хая кормила его вкусным ужином, он только успевал сказать спасибо, как уже засыпал от усталости и боли: у него болела голова и спина, но он не расстраивал маму тем, что у него что-то болит.

На работу он ездил на том же самом грузовичке. Водитель жил за городом, в частном доме, поэтому оставлял машину на ночь во дворе, заготавливал топливо: чурки, обрезки досок, поленья посуши, чтобы на рабочий день топлива хватило. Когда он ехал на работу, он по пути захватывал Хаима, и они вместе ехали до участка. Там Хаим шел в свой склад, у склада уже стояли рабочие: кому-то электроды для сварки были нужны, кому-то разные другие материалы, у Хаима всё на складе было, он старался работать честно и аккуратно. Начальство, заметив его рвение к работе, назначило его заместителем начальника снабжения: теперь он сидел с документацией, обрабатывал заявки, изучал спецификации на монтажные узлы, которые были необходимы на строительстве ТЭЦ. Хая очень гордилась сыном, он теперь приносил полноценные продуктовые карточки, но не в них было дело: она знала Натана, как успешного работника, которого в своё время хвалил отец Хаи, теперь её сын оказался таким же талантливым, как его отец. Сонечка понемногу привыкала к своим «ногам», она уже под руку с мамой прогуливалась вдоль барака: далеко они ещё не ходили, Сонечка быстро уставала, и они возвращались домой. Они жили всё в тех же стеснённых условиях: в комнате, перегороденной простынями, но Исааку, как хорошему и необходимому работнику пообещали дать отдельную маленькую, но свою, квартирку. Ведь у них с Дорой был сын, которому уже надо своё спальное место. Ему пошел второй годик, он уже хорошо ходил и с бабушкой Хайей они вдвоём ходили на базарчик.

В 1947 году карточки отменили, но на них ещё можно было кое-что покупать из продуктов до 1949 года. В магазинах полки стали наполняться товарами, они были не дорогими, цены были доступны и народ понемногу стал забывать о голоде. Появились деньги, но иногда зарплату работникам выдавали вместе с облигациями Государственного займа: подразумевалось, что 50% деньгами и 50% облигациями – это будет справедливо, необходимо было восстанавливать разрушенное хозяйство страны, строить заново города и поселения. Каждый месяц в центральной газете печаталась таблица выигрышей по этим облигациям, потому что часть их стоимости решили возвращать пока выигрышами, а через некоторое время все обменять на купюры Государственного банка. Стали происходить понижения цен на промышленные товары, на продукты питания, в магазинах появилась горбуша, о которой во время войны все позабыли, маргарин и настоящее сливочное масло, икра ценных пород рыб. Все почувствовали, что Жизнь понемногу налаживается. Хаима назначили начальником снабжения монтажного участка, а бывшего начальника проводили на пенсию: во время войны он не был призван по болезни и всю войну жил по «броне», работая на монтаже нескольких ТЭЦ в Берез-

никах и соседнем городе – Соликамске. Теперь Хаим был настоящим начальником. В один из розыгрышей облигаций они выиграли сумму, достаточную для покупки не очень дорогого костюма и несколько рубашек: раньше он ходил на работу в обмундировании, в котором пришел с фронта. Хая старалась поддерживать это обмундирование в хорошем состоянии: вовремя его штопала, стирала и сушила утюгом, чтобы утром Хаим мог идти в чистой отглаженной форме. Когда купили ему костюм и рубашки, он стал выглядеть, как настоящий начальник. Он был очень привлекательный, и Хая очень боялась, что какая-нибудь «вертихвостка» вскружит ему голову: для неё это было непостижимо. Исаак познакомил его с девушкой, которая работала в их управлении: она работала и бухгалтером, и кассиром, потому что специалистов – финансистов не было, но она одна справлялась со всеми делами бухгалтерии.

Приближался праздник Октябрьской революции – 31-ая годовщина. Хаим пригласил Зою, так звали девушку – бухгалтера, на праздничный вечер, который устраивало руководство участка для всех своих работников. На этом вечере они познакомились с ней поближе: он рассказал о себе, о том, что его жена и ребёнок погибли во время бомбёжки и с тех пор он один. «Но Вы, Зочка, очень сильно похожи на мою Шурочку, такая же крепкая и красивая, как она!» «Ну, что Вы, я самая обыкновенная деревенская девушка, из колхоза я ушла только тогда, когда пришла в военкомат и попросилась на фронт. В Молотове в это время набирали в школу инструкторов – парашютистов – добровольцев, я согласилась. Прошла 3-х месячные курсы и получила звание инструктора. Мы набирали курс, обучали теоретически, изучали матчасть- парашют, а после того, как курсанты были готовы, переходили к прыжкам с парашютами. Я выпустила несколько наборов, после выпуска их отправляли на фронт, а я оставалась с новым набором курсантов. Во время одного из учебных прыжков, мои курсанты прыгнули, а я должна была прыгать после них: во время моего прыжка меня подвёл парашют, и я летела с большой высоты, ожидая смерти, но буквально перед касанием с землёй парашют раскрылся, и я „приземлилась“ на голову. Хорошо, что дело было летом, и вокруг были торфяники – это смягчило удар, я не сломала позвоночник, но удар не прошел без последствий. Меня положили в военный госпиталь, обследовали, выявили сильное сотрясение мозга, с „приличной“ гематомой головы, перелом ключицы и нескольких ребер, дышать было очень больно, голова шла кругом, чувствовалась постоянная тошнота. Громко говорить я не могла, не напрягая грудную клетку, лежала на спине: после такого сотрясения мне предписан был постельный режим. Из деревни вызвали маму, чтобы ухаживать за мной, но у нас были давние непреодолимые разногласия, и я отказалась от её помощи: она со слезами ушла из палаты, поговорила с врачом, можно ли прислать для ухода за дочерью свою сестру. Через день приехала тётка. Я пролежала в госпитале почти месяц, но с тех пор у меня остались сильные головные боли, живу на анальгетиках. После госпиталя меня комиссовали, выдали паспорт, и я решила, что в деревню не вернусь. Решила из Молотова поехать в Березники: я знала, что это – молодой город и там можно будет найти работу. Так я оказалась на строительстве ТЭЦ».

– «Да, ты тоже получила свой удар войны, несмотря на то, что не была на фронте, главное, думай о том, сколько ты обучила курсантов, а они воевали благодаря тебе, так что ты для меня – герой!»

Они пошли с Зоей к остальным празднующим. Хаим ухаживал за ней за столом: подкладывал ей кусочки повкуснее, зная, что у неё было сотрясение мозга, он поддерживал её, когда Зоя отказывалась выпить: не могла же она всем рассказывать о причинах отказа пить спиртное. Зоя жила на самой окраине города, с Хаимом ей было не по пути, а он всё равно каждый день провожал её до дома. Они много разговаривали по дороге, им было интересно вдвоём: Зоя рассказывала о своём голодном детстве, рассказала ему, что в семилетнем возрасте мать закрыла её в нетопленном доме, а сама ушла в другую деревню на вечеринку, «кадриль» плясать на свадьбе у подружки. Эта «вечеринка» продлилась три дня, а Зоя сидела на холодной печи, мёрзла и очень хотела есть, но в доме не было ни крошки съестного. А когда мать

пришла с похмелья, была очень сердита, как будто ни она оставила ребёнка на произвол судьбы среди зимы. Когда Зоя расплакалась и стала просить поесть, мать ещё пуще разозлилась на неё, взяла голик (веник из ивовых прутьев) и так отхлестала дочь по спине, что кровь полосками пробивалась сквозь нательную рубашонку. Зоя как-то изловчилась, вырвалась из цепких рук матери и убежала из дому: а куда побежишь – зима, снега выше колена, все дороги замело, и их домишко тоже. Зоя через сугробы побежала в баньку рядом с домом. Баня тоже давно не топленая, холод пробирал до костей, она дрожала и плакала до тех пор, пока ни устала, она затихла и уснула. Мать дома легла спать, а Зоя замерзала в холодной бане. Через три дня её нашла по следам крови на снегу крестная, она накричала на мать Зои, что угробила девочку, не спохватилась раньше: «А я думала, что она у тебя ночует, всё-таки крестная...» Но та её не слушала, запрягла лошадь, укутала Зою потеплее и положила в розвальни. Повезла в город, в больницу, а это в 15 километрах от деревни, по занесенным снегом дорогам. Под вечер они добрались до больницы, там Зою осмотрели в приёмном покое, кое-как отмочив присохшую от крови рубашонку со спины. Врач расспросил Зоину крестную, как это могло произойти, та не стала рассказывать о Зоиней матери: её могли, за такое издевательство над дитём, отдать под суд. Она сказала, что Зоя сама спряталась от матери и просидела из страха в холодной бане. «А побои?» Крестная опустила голову и ничего не ответила. Врач всё понял...

– «А Вы знаете, что у неё тяжелейшее заболевание: менингит, а необходимых антибиотиков у нас нет, это очень дорогое и редкое лекарство, нам остаётся только надеяться, что её организм справится, но осложнения даже в этом случае могут быть очень тяжелыми...»

Крестная с тяжелым сердцем оставляла Зою в больнице, она даже не смогла попрощаться с ней: Зоя была без сознания, бредила, температура была очень высокая. Крестная ехала обратно в свою деревеньку, а слёзы замерзали у неё на щеках. Мать всего один раз за полгода, которые Зоя провела в больнице, навестила её. С тех пор у Зои появилось не преодолимое чувство ненависти к матери: когда она её видела, старалась поскорее скрыться с глаз. Так они и жили: и вместе, и в то же время врозь – не было между ними лада. Они снимали квартирку у своих дальних родственников, она была в деревянном доме, все удобства и вода во дворе, но лучше, чем эта квартирка, выхода не было. Ей отсюда было далеко добираться до работы, но теперь Хаим по вечерам провожал до дому: раньше было так страшно ходить, особенно зимой. Ночи на Урале тёмные и морозные, а на окраинах жили не совсем надёжные люди. Часто она обходила стороной по сугробам место, где происходили драки, чтобы не попасть под «горячую» руку. У неё был названный брат Василий, он был постарше Зои на год, его у плетня зимой в голодную пору нашли, когда распускали детей из ближайшего детского Дома, потому что нечем было их кормить. Им нашли мешочки с лямками, получился заплечный мешок. Дали каждому по мешочку и отправили восвояси – выживут, так выживут, всё равно в детдоме кормить их было нечем, а так добрые люди помогут, кто хлеба кусочек, кто молочка стаканчик или картошечки, кому посчастливится, останутся жить. Однажды мать Зои шла из другой деревни и увидела у своего забора сугроб, а из него парок идёт, она в страхе подошла к сугробу и начала разгребать его руками, пока ни докопалась до мальчика. Он очень сильно замёрз, она стала растирать его, чтобы как-то разогреть. Он открыл глаза и сказал: «Мама?» Мать Зои чуть ни расплакалась, услышав от чужого мальчика слово «мама». Она повела его в избу, истопила баню, отогрела и отмыла его, одела во всё чистое и повела кормить. Он попил молочка и сразу уснул. Когда Зоя пришла от подружки, Василий спал на её месте. Мать рассказала ей историю этого сиротинушки: он, оказывается, родился в украинском селе, вся семья умерла от голода, а его из одного детдома в другой отправляли, пока не попал на Урал. А потом она нашла его. Зоя слушала мать и понимала, что теперь ей в этом доме отведена вторая роль, на первом месте будет сиротинушка. Так оно и вышло: по утрам на завтрак мать ставила им две крынки молока и по ломтю хлеба, но у Васеньки молоко было не снятое, жирное, а у Зои снятая простокваша. Она не высказывала своего недовольства матери, а та делала так, как считала правильным: ведь

Васенька – сирота, а у Зои есть мать. Зое сшили пальто из старого бабушкиного, перелицевали, получилось, как новое. Васеньке мать купила костюм шевиотовый, новое тёплое пальто, шапку: он был высоким, черноволосым, красивым мальчиком, а в новой одежде выглядел настоящим женихом, ведь ему было только 10 лет. Так они жили в деревне до самой войны.

Они с Василием ходили в школу – семилетку, которая была в их деревне. По окончании, Зоя с Василием стали ходить в другую деревню, она находилась в пяти километрах от их деревни, но там был восьмой класс, они могли получить неполное среднее образование, а потом ехать в город, чтобы продолжить учёбу. У Зои и одеть-то было нечего: она ходила в фуфайке и теплой юбке, сшитой из маминого пальто, а у Василия было тёплое зимнее пальто с меховым воротником, тёплая шапка, а у Зои – шерстяная шаль. Это неравенство угнетало её, мать видела всё и говорила Зое: «Он ведь сиротинушка, ты должна это понимать, а что люди скажут, если мы не будем его хорошо одевать?» Зое очень хотелось уехать из деревни, но был такой закон, что паспорта на руки колхозникам не выдавали. Когда началась война, Василия призвали на фронт, а Зоя поехала в военкомат добровольно. Зое после травмы было тяжело работать из-за сильных головных болей, но она старалась заглушить боль таблетками и работать дальше, главное то, что она видела, как ей доверяют в бухгалтерии и она работала с удовольствием.

Хаим по-прежнему провожал её после работы, им было хорошо вдвоём – это были родные души. Он спросил у Зои разрешения прийти к её матери, чтобы просить её руки. Она с радостью согласилась, и они пошли к ней домой. Мать была рада, что кто-то решил взять замуж её дочь: как говорится – лишний рот. Предстояло знакомство с мамой Хаима: Хаим понимал, что это будет не легкое мероприятие, он видел, как Хая заботится о нем и вряд ли она с радостью отнесется к его женитьбе. Так и получилось: Хая билась в истерике и закрывала собой выход из комнаты, как бы не отпуская его. Хаим уговаривал маму, которая столько пережила за свою недолгую жизнь, он хорошо понимал её. «Ведь когда-то это всё равно произойдёт, мамочка! Не могу же я быть холостяком всю жизнь!» Хая понемногу начала успокаиваться, но на Зою она смотрела, всё равно, как на похитителя своего сына. Было поздно, Зое пора было идти домой, Хаим проводил её и при расставании сказал: «Вот увидишь, всё наладится, мама примет тебя, надо только подождать!»

Сын Доры подрастал. Исааку дали благоустроенную квартиру, Хая, по утрам, занималась с Сонечкой, кормила её, перестилала постель, помогала одевать тяжелые протезы, ходила с ней «на прогулку». Дора теперь работала по сменам, и Хая могла приходиться к ним, чтобы ухаживать за внуком. Дора поддержала решение Хаима жениться, уговаривала маму смириться с его решением. А Хая никак не могла представить рядом с её сыночком чужую женщину. Была ещё одна причина, по которой Хая была не довольна, тем, что Хаим решил жениться на Зое: ей приглянулась одна из репатриированных с Поволжья немцев девушка. Её звали Эмма, она была высокая черноволосая, грамотная и утонченная: именно такую жену Хая хотела видеть рядом с сыном. Но Эмма совсем не нравилась Хаиму: она казалась ему высокомерной, неприступной, как крепость, она не могла просто поговорить «за жизнь», все её разговоры сводились к тому, что она много училась, умела играть на скрипке, выросла в очень строгой семье. А Зоя была простая, они понимали друг друга с полуслова. Это было главным в их отношениях. Свадьбу назначили на осень. Торжество было скромным, свадьбу сыграли в доме Зои, пришли родственники и друзья, даже из их родной деревни приехали гости. Василий явился на свадьбу не один: он привёл женщину с кудряшками, представил её всем своей женой. Это было большой новостью для всех присутствующих, так как он привёз её с фронта из-под Пскова. К ней сразу пристала «кличка» скобариха, все считали, что она не пара такому красавцу, как Василий, а матери было очень обидно, что она его вырастила, ждала и переживала за него, когда он был на фронте, а он очень редко и скупно писал им с Зоей. Он, как оказалось, служил в войсках НКВД, они выполняли самую «грязную» работу на фронте: вершили судьбы людей.

О том, что он женился, тоже не сообщил ни матери, ни Зое. Василию предоставили жильё: благоустроенную двухкомнатную квартиру, так как они ожидали пополнения семейства. Но мать и Зоя оставались жить в съёмной квартире и платили большие деньги, хотя у Василия пустовала одна комната. Зоя никогда не заводила об этом разговор, она не хотела настраивать мать против Василия, а сказать хотелось о многом. Свадьба прошла хорошо, без «ритуальных» драк и раздоров, Хаим и Зоя были очень рады этому: никто не упрекнул её, что она выходит замуж за иноверца. После свадьбы, Хаим привёл Зою в своё «отделение» в бараке: рядом с ними через простынную перегородку размещались Хая и Соня. Зоя очень стесненно чувствовала себя в «доме» Хаима: она чувствовала, что, Хая не переменяла своего отношения к ней. Она боялась лишней раз выйти и попить воды, просила Хаима принести ей попить. Он делал вид, что это он захотел попить и так с кружкой в руках заходил к Зое, чтобы она напилась. Живя в таких условиях, Зоя быстро забеременела. В сочетании с перенесённым сотрясением мозга, токсикоз выматывал её: тошнило, она чувствовала себя очень плохо, но её обязанности жены никто не отменял. Ей приходилось мыть посуду, голиком мыть дощатые полы барака, каждый наклон ей стоил сильного головокружения, но ничего не поделаешь – надо! Она продолжала работать, сама ездила в банк за деньгами для монтажного участка. Когда беременность была восемь месяцев, декретный отпуск давали за две недели до и после родов, она поехала в очередной раз в банк. Ехали всё на таком же «чурочном» грузовике, на каком Хаим ездил за материалами для участка. Когда они возвращались с деньгами, на их грузовик напали с автоматами бандиты – вокруг Березников и рядом с Соликамском было много тюрем, откуда часто совершались побеги заключённых. Зоя старалась прикрыть живот – там уже была новая жизнь, но очередь сразу убили водителя, а Зоя получила ранение в голову и по касательной – ранили в живот. Грузовик с дороги упал в кювет: в нём лежал труп водителя и раненая Зоя, она была без сознания. Беглые заключённые искали деньги, но не нашли их. Увидев, труп и раненую беременную женщину, они ушли с дороги в лес, чтобы их не нашли. Когда Зоя выезжала из банка, она всегда звонила на работу, получила ли деньги. Её ждали все работники, им хотелось порадовать родных деньгами: ведь это был уже 1949 год, карточки отменили, но машины почему-то не было. Хаима и остальных охватило беспокойство: где же машина? Они послали на встречу другую машину и совсем рядом, километрах в трёх, они увидели расстрелянный грузовик в кювете. Бегом спустились вниз, может ещё нужна помощь: Зоя была без сознания, кровь заливалась ей за воротник, а на животе намочила фуфайка от крови. Зою вытащили осторожно из грузовика и на той машине, на которой они приехали, быстро повезли в больницу спасать. Водителю помощи не понадобилось – он трагически погиб при исполнении своих обязанностей: прошел всю войну, а дома пуля догнала его – судьба...

Зою привезли в хирургию. Хаим нервно шагал около операционной и думал: «Неужели мой рок – терять своих жен и детей так жестоко?» Много часов длилась операция, Хаим ни на минуту не присел, он ходил, ходил и ждал конца операции. Вышла медицинская сестра, видя, в каком он состоянии, успокоила его: «У вас родилась девочка, совсем маленькая, но это не страшно: её уже поместили в обогреватель, там поддерживают необходимую температуру, она получает питание и воздух через специальные трубочки, она очень быстро наберёт вес, и Вы сможете её забрать домой! Да, это будет не скоро, но Вы не теряйте надежды – главное, что она выжила! А вот жена Ваша будет здесь подольше: у неё тяжелое ранение в голову, затронуты жизненно важные центры головного мозга, могут быть самые невероятные последствия, к этому Вы должны быть готовы...» Хаим спросил разрешения посмотреть на девочку, но ему не разрешили. «Пока нельзя! Пройдёт несколько дней, она начнёт приходить к норме, тогда Вы её увидите, а сейчас идите отдыхать – завтра Вам на работу!» Хаим шел и раздумывал, почему судьба так не благосклонна к тем, кого он любит и к тем, кого он ещё не успел полюбить...

Когда он пришел домой, Хая спросила: «Почему ты один? Зоя у своей мамы?» У Хаима как будто что-то разорвалось внутри, он зарыдал на плече Хаи, сквозь слёзы он рассказал ей о том, что случилось. Она, как могла, успокаивала его, говорила какие-то добрые слова, но Хаим не понимал её. Он только слышал её добрый, мягкий голос и от этого ему становилось легче. Он понимал, что она сопереживает его горю: ведь Хая столько слёз пролила, теряя своих близких, она не пожелала бы этого своему врагу – она любила так говорить, когда случалось что-нибудь плохое – не то, что своему любимому сыночку. Хаим тяжело переживал случившееся, он каждый день после работы ходил к своим «девочкам» в больницу, ждал услышать хоть одну радостную новость, но, к сожалению, положение пока не улучшалось. У Зои наступил кризис, врач сказал: «Посмотрим, как пойдёт дело дальше, после кризиса станет многое ясно, давайте наберёмся терпения!» Хаим, с тяжелым сердцем, уходил ждать выхода из кризиса Зои. Девочка, как сказала медсестра, начала набирать вес – это очень хорошо: ведь она родилась восьмимесячная, а такие дети не все выживают, а его доченька набирает вес, значит будет жить. Это обрадовало Хаима, он поспешил домой, чтобы поделиться с мамой этой радостной новостью. Хая встретила новость с искренней радостью и сказала: «Раз, медсестра сказала, что она выживет, ей надо дать имя, а то столько дней живёт безымяночкой!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.